

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ

Юго-Западный административный округ

**Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города
Москвы "Школа № 2114"**

Музейное пространство школы № 2114

«Это нашей истории строки»

Сборник научных трудов (2017-2019)
обучающихся ГБОУ Школа № 2114,
входящих (входивших) в
актив Музейного пространства
Руководитель «Музея Кота Ученого»
Учитель истории, к.и.н. Н. А. Головань

Москва

2019

К читателю

Этот небольшой сборник трудов обучающихся ГБОУ Школа № 2114 сложился как результат научной работы, живого любопытства, потрясающих открытий учеников 6-х – 11-х классов, выбравших историю как предмет для углубленного изучения и увлеченно работавших в активе музея Кота Ученого.

Для задорного философа, сказочника и любомудра Кота Ученого не существует границ исследовательских интересов, поэтому и в нашем сборнике Вы можете прочитать статьи и доклады на самые разнообразные темы (от культуры Древнерусского государства – до сражений Великой Отечественной войны, от белокаменных стен Москвы до Римских ворот Флоренции), найти пищу для размышлений, какой бы эпохой Вы не интересовались!

В добрый путь!

Московская битва глазами современников

Новиценцева Мария

(Статья опубликована в сборнике Ключевские чтения-2017. Образ и смысл Победы в российской истории / В.Е. Воронин и др. – М., 2017)

Битва за Москву – грандиозное сражение осени 1941 – весны 1942 года – играет исключительную роль не только в ходе Великой Отечественной войны, но и в Новейшей мировой истории в целом. Не случайно поэтому победа в Московской битве оказалась в центре внимания историков, политических и общественных деятелей, писателей XX – XXI вв. Не утихают научные и социальные дискуссии вокруг этого важнейшего события, что подчеркивает актуальность выбранной нами темы. Современный этап развития историографии характеризуется *«историко-антропологическим поворотом»* к истории повседневности, а это значит, что в фокусе внимания исследователей оказываются исторические источники личного происхождения (дневники, мемуары, эпистолярные источники). Именно эти группы источников позволяют посмотреть на события глазами участников, осмыслить значение произошедшего для современников.

В ходе нашего исследования мы использовали дневники и мемуары участников, героев Московской битвы, а так же москвичей, переживших самую страшную войну в истории человечества. Среди особенностей указанных групп источников можно выделить острую эмоциональную окрашенность, стремление передать собственные впечатления и, как очевидное следствие – глубокий субъективизм, неточность в передаче фактического материала. Однако учитывая последнюю особенность источников личного происхождения, необходимо прибегнуть к помощи официальных источников, среди которых можно выделить донесения советских военачальников, сводки Совинформбюро.

Итак, «не добившись разгрома Красной Армии в первые месяцы войны, Гитлер решил напрячь все силы Германии и её союзников для нового наступления.

Фашистское командование поставило перед своими войсками следующую задачу: окружение армий, защищавших Москву, и захват столицы Советского Союза.

С этой целью немецким командованием была разработана военная операция под кодовым названием «Тайфун». Первый этап битвы за Москву 30.09.1941 - 5.12.1941г носил оборонительный характер. С 13 октября разгорелись ожесточенные бои на всех главных направлениях, ведущих к Москве. Десятки тысяч москвичей взялись за возведение противотанковых препятствий и за постройку дотов, дзотов и площадок. В неслыханно короткий срок город опоясался прочными оборонительными сооружениями»¹.

Во второй половине октября гитлеровцы продолжали рваться к Москве. Враг оказался в 80-100 км от Москвы. В этих условиях И. В. Сталин принял решение о проведении традиционного военного парада по случаю 24-й годовщины революции. Он состоялся 7 ноября 1941 года на запорошенной первым снегом Красной площади.

События второй половины октября – начала ноября 1941 г. нашли, пожалуй, самое широкое освещение в дневниках и мемуарах участников Московской битвы и (в еще большей степени) москвичей. И здесь, на наш взгляд, можно выделить две ключевые даты – 16 октября и 7 ноября 1941 г. Анализируя эти диаметрально по эмоциям события, мы неизбежно обращаемся в дневникам и воспоминаниям москвичей. Так, в дневнике 24-летней неизвестной москвички Маруси К. особое место уделено событиям 16 октября 1941 г., когда москвичи пережили панику и потрясение: «20 октября. Столько событий за эти дни... Нет времени писать, как будто бы все перевернулось. ... 16 октября. Этот день... нет сил понимать его... Эвакуация предприятий... Все смешивается в такое большое горе всего народа, которое трудно описать». Однако уже следующая запись говорит о преодолении общей подавленности: «27 октября. Что делать? Строить баррикады! ...Теперь я уже умею мешать цемент и класть кирпичи...»².

---

¹ Минц И. И. Великая Отечественная война Советского Союза. – М., 1947. – С. 158.

² Научный архив Института российской истории РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 38, д. 15. Подлинник. Рукопись. Цит. по: Москва военная (1941/45). Мемуары и архивные документы – М., 1995. – с. 282.

Немалый интерес представляет также дневник 12-летней девочки, Наташи Колесниковой, которая достаточно подробно описала и бомбежки, и состояние столица, и настроение горожан в октябре 1941 г.: «Во многих домах торчат обгорелые балки. Сгорел дом № 26 по Арбату и в Конюшенном п. сгорел один дом. На наш дом упало 3 зажигательных бомбы... В середине октября началось генеральное наступление немцев. В Москве паника. За продуктами выросли огромные очереди. Особенная паника была 16 октября. Ползли чудовищные слухи. Немцы подошли на 20-25 км»³.

Сводки СовИнформБюро от 7-8 ноября 1941 г. не дают нам информации о параде на Красной площади 7 ноября 1941 г.: впервые парад был упомянут в сводках лишь 12 декабря 1941 г.⁴ **Николай Александрович Сбытов, командующий ВВС московской зоны ПВО вспоминает:** *«28 октября Сталин вызвал в Кремль командующего войсками Московского военного округа генерала Артемьева, командующего ВВС генерала Жигарева, командующего Московской зоной ПВО генерала Громадина и меня. «Скоро годовщина Октябрьской революции, — сказал Сталин, — парад в Москве будем проводить?» Вопрос был настолько неожиданным для всех, что никто не мог ничего ответить... Сталину пришлось трижды повторить свой вопрос уже рассерженным голосом. Только тогда мы все откликнулись и заговорили разом: «Да, конечно, это поднимет дух войск и тыла!»»⁵. А вот **воспоминания одного из участников парада:** *«Нам объявили приказ: мы идем на парад. Если прорвутся немецкие самолеты — не поддаваться панике, сохранять выдержку и достоинство. До последней минуты все держалось в тайне. В тот день небо было заодно с людьми. Оно стало цвета солдатской шинели. Повалил густой мокрый снег».**

Вместе с тем, день 7 ноября нашел широкое отражение в воспоминаниях москвичей. Одним из ярких примеров также могут служить мемуары Нины Васильевны Поповой - первого секретаря Краснопресненского райкома ВКП(б)

³ Детская книга войны. Дневники 1941 – 1945 гг. – М., 2015. – С. 453.

⁴ Цит. по: <http://bdsa.ru/сводки-совинформбюро>

⁵ Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь / М. Г. Вожакина. - М., 2006. - Т. 1. - С. 413—414.

Москвы. «Паника была ужасная. И всё-таки Москва работала. Красная Пресня работала. Две недели октября и неделя ноября были ожиданием. 7 ноября мы приехали на Красную площадь и слушали Сталина по радио. И это был перелом»⁶. Кроме того, в этом источнике мы находим ценный материал об участии краснопресненцев в народном ополчении, о радио-митингах советских женщин, обращенных ко всему миру. «Красная Пресня отдавала лучших. Это был цвет московской интеллигенции: ученые, аспиранты, писатели, актеры. ...В некоторых батальонах оставшихся в живых можно было сосчитать на пальцах». При этом «Красная Пресня постоянно наращивала выпуск военной продукции. Рабочие сутками не отходили от станков».

Благодаря невероятным усилиям москвичей, жертвенности частей московского ополчения, октябрьское наступление гитлеровцев провалилось. «15-16 ноября гитлеровцы предприняли еще одну отчаянную попытку прорвать оборону наших войск и захватить Москву. Теперь они двинули на Москву уже 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 5 моторизированных. В этот день особенно упорно дрались стрелковые дивизии 16-й армии: 316-я генерала И. В. Панфилова. 78-я генерала А. П. Белобородова и 18-я генерала П. Н. Чернышева, отдельный курсантский полк С. И. Младенцева, 1-я гвардейская, 23, 27, 28-я отдельные танковые бригады и кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора. Особенно прославилась в боях дивизия генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова»⁷.

Дневники и мемуары москвичей и участников Московской битвы дают важный материал также для анализа проблемы восприятия следующего этапа сражения - контрнаступления под Москвой 5-6 декабря 1941 г. Здесь мы сталкиваемся с невероятной разноголосицей. Начало контрнаступления советских войск, приведшее к победе в Московской битве, не получило рельефного отражения в исторических источниках личного происхождения, что подчеркивает упомянутую выше специфику анализируемых документов. Какие даты и события, в таком случае, казались поворотными участникам и современникам Московской битвы? Здесь стоит вновь

---

⁶ Борисова Н. В. Нина Попова: жизнь как созидание. - Елец, 2001.

⁷ Минц И.И. Указ. Соч. – С. 205.

обратиться к дневнику Наташи Колесниковой: «Вдруг 29 ноября в 23 ч. по радио (которое всегда работало только до 22 ч.) передают последние известия... В начале декабря мы взяли города Ростов-на-Дону и Тихвин»⁸. В дневнике, таким образом, причудливо переплелись сводки «Еще один удар по врагу» за 29 ноября и 9 декабря, но первая дата выделена более рельефно.

Отклик на события 29 ноября 1941 г., на освобождение Ростова-на-Дону, обнаруживается и в других дневниковых записях москвичей. Именно этот день видится рубежным и для обороны Москвы. Отвечая на вопрос «почему», приходим к выводу, что именно эта сводка СовИнформБюро поселила в сердцах жителей столицы веру в победу, в возможность одержать верх над непобедимым, казалось, врагом.

Эта вера получила мощное подкрепление, когда советские войска в результате контрнаступления в декабре 1941 г. отбросили врага на сотни километров от Москвы. В мемуарах участника битвы Петрова Ивана Петровича есть такие строки: «Тонкая линия войск защищала тогда Москву, но как люди дрались, как умирали... Мы не думали о победе, а делали все возможное, чтобы немцы, пока мы живы, через нас не прошли... Вовремя сибиряки подошли. Устояла Москва...»⁹. Ценным в этом источнике является упоминание «сибиряков», дивизий, обеспечивших решительный перевес сил в Московской битве, хотя и здесь нет указания на 5-6 декабря.

О контрнаступлении многие москвичи узнали из сводок СовИнформБюро за 12 декабря 1941 г. Возможно, этим и объясняется отсутствие в источниках дат 5-6 декабря. Именно в сводке этого дня впервые упомянут и парад на Красной площади: «Известно, что хвостун Гитлер на весь мир растрезвонил о том, что 7 ноября 1941 года состоится торжественный парад фашистских пешек на Красной площади в Москве. Известно также, что парад на Красной площади 7 ноября 1941 года действительно состоялся, но то был парад не разбойничьих гитлеровских орд, а парад войск Красной Армии». В сводке вновь упомянуты освобождение Ростова-на-Дону и Тихвина, а также впервые была дана оценка причинам побед советского оружия. Не мороз, на который

---

⁸ Детская книга войны. – С. 453.

⁹ <http://iremember.ru/memoirs/svyazisti/petrov-ivan-petrovich/>

активно ссылались нацисты, а самоотверженность советских воинов стала причиной срыва блицкрига и победы под Москвой. В продолжении того же дня – сводка «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах Москвы»: «6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в боях предприняли наступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят...»¹⁰. Прозвучали имена генералов Лелюшенко, Кузнецова, Рокоссовского, Говорова, Голикова и др.

В мемуарах участников Московской битвы нашли отражение и героизм советских солдат, и военное мастерство военачальников, и, одновременно, тяготы войны. О тяжелых военных буднях писал Гузанов Геннадий Иванович: «Дело к зиме пошло... Они нас обстреливали круглые сутки. Ночью они включали репродукторы, мол, русские сдавайтесь. В начале 42-го, когда уже прорвали оборону немцев ... нашему командиру отделения дали задание перерезать дорогу Кондров – Калуга...». Очень значимым представляется вывод этого участника Московской битвы о рождении в начале 1942 г. уверенности в неотвратимой победе советского народа: «Тогда гнали много пленных. Одеты они были во все летнее, обмотки какие-то. И вообще, моральный дух у всех нас немножко поднялся. Народ как-то воодушевился: «Победим, победим»»¹¹. Определенные параллели в восприятии битвы и ее значения обнаруживаются в воспоминаниях Юнаш Порфирия Александровича: «Была зима 1941 года. Немцы всеми силами рвались к Москве, чтобы захватить нашу столицу. Наши войска героически сопротивлялись...»¹². В воспоминаниях участника контрнаступления Гига Василия Антоновича читаем: «А потом, в феврале 1942 года, началось известное московское сражение, в котором я также участвовал. Помнится, во время того самого наступления, когда и немецкие, и наши силы выдохлись, а людей оставалось в полку очень мало, меня назначили начальником штаба своего полка. Представьте себе, командир дивизии приказывает моему командиру полка:

---

¹⁰ Цит. по: <http://bdsa.ru/сводки-совинформбюро>

¹¹ <http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/guzanov-gennadiy-ivanovich/>

¹² <http://iremember.ru/memoirs/drugie-voyska/yunash-porfiriy-aleksandrovich/>

«Наступить!» А наступать-то нечем!»¹³. Интерес в этом фрагменте представляет датировка начала контрнаступления: оно здесь «отодвинуто» на февраль 1942 г., что подтверждает мысль об отсутствии единой рубежной даты перелома в Московской битве в сознании современников, - а также описание неразберихи, столь не свойственной данному этапу битвы.

Еще одной проблемой, отраженной и в исторической науке, и в изучаемых нами источниках, является вопрос причин победы советских войск в битве за Москву.

«... В западной историографии провал операции «Тайфун» зачастую объясняют численным превосходством советских войск, хотя его тогда не было. Несостоятельны и попытки в качестве главной причины поражения фашистской армии указывать на стратегические просчеты Гитлера... Абсурдны также упомянутые выше ссылки на суровые условия осени 1941 г. (распутица на дорогах) и зимы 1941/42 г. (морозы, глубокий снег). Неблагоприятная погода мешала боевым действиям обеих сторон; не она определяла ход и исход грандиозного поединка»¹⁴.

Массовый героизм советских солдат, советских людей, безусловный талант военачальников, в первую очередь, Георгия Константиновича Жукова, верные решения председателя Государственного Комитета обороны И. В. Сталина – вот слагаемые успеха в контрнаступлении под Москвой. В мемуарах Г. К. Жукова читаем: «Умелое ведение оборонительных сражений, удачное осуществление контрударов и быстрый переход в контрнаступление обогатили советское военное искусство, показали возросшую стратегическую и оперативно-тактическую зрелость советских военачальников, рост боевого мастерства воинов всех родов войск»¹⁵.

Итак, битва под Москвой оказала решающее воздействие на весь дальнейший ход Второй мировой войны. Был развеян миф о «непобедимости» германской армии и похоронен фашистский план молниеносной войны против СССР. Исторические источники личного происхождения дают, на наш взгляд, ценный материал для понимания атмосферы Москвы военной, тяжелых фронтовых будней, отражают

¹³ <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/giga-vasiliy-antonovich/>

¹⁴ Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии 1939–1945. – М., 1980.

¹⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М., 2002. – С. 315.

восприятие москвичами и участниками битвы этапа контрнаступления под Москвой, формирование веры, уверенности в обязательной скорой победе.

Танковое сражение под Прохоровкой: мифы и реальность

Маланок Дарья

(Статья опубликована в сборнике Ключевские чтения-2017. Образ и смысл Победы в российской истории / В.Е. Воронин и др. – М., 2017)

Сражение под Прохоровкой 12 июля 1943 г. вошло в историю как крупнейшее танковое сражение Великой Отечественной войны. Победа в этом «противостоянии стали», безусловно, явилась одной из важных страниц Курской битвы. Вместе с тем, в историографии и общественной мысли не утихают многочисленные дискуссии о датировке, ходе и, главное, итогах и значении сражения. Анализ указанных дискуссий может помочь пролить свет на проблему понимания Победы как военного и социального феномена.

Очень важным представляется также выявить восприятие победы советскими солдатами и офицерами – участниками Прохоровки. Именно поэтому среди исторических источников, привлеченных в данном исследовании, ключевую роль играют источники личного происхождения, прежде всего, мемуары.

Первый дискуссионный аспект, с которым мы сталкиваемся анализируя сражение под Прохоровкой – вопрос датировки. В фундаментальном многотомном труде «Великая Отечественная война» этот вопрос решается так: «10 июля Гитлер приказал командующему группой армий «Юг» добиться решительного перелома в ходе битвы. Фельдмаршал Эрих фон Манштейн решил изменить направление главного удара и теперь наступать на Курск кружным путем — через Прохоровку. На прохоровское направление были подтянуты 2-й танковый корпус СС, в состав которого входили отборные дивизии «Райх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» ... Обнаружив маневр противника, командующий фронтом генерал Николай Федорович Ватугин выдвинул на это направление 69-ю армию, а затем и 35-й гвардейский стрелковый корпус ... Однако 11 июля нанести контрудар не удалось. В этот

день противник захватил рубеж, намеченный для развертывания танковых соединений. Лишь вводом в сражение четырех стрелковых дивизий и двух танковых бригад 5-й гвардейской танковой армии генерала Павла Алексеевича Ротмистрова удалось остановить противника в двух километрах от Прохоровки. 12 июля обе противоборствующие группировки перешли в наступление, нанося удар на прохоровском направлении по обе стороны железной дороги Белгород — Курск. Развернулось ожесточенное встречное сражение. Сражение продолжалось целый день. Обе стороны несли большие потери. Борьба была на редкость ожесточенной»¹⁶.

Однако в 90-х – начале 2000-х гг. стали активно появляться «альтернативные», на грани мифов, версии датировки сражения под Прохоровкой. Так, Г. А. Олейников утверждает: «Приведенные документы точно определяют дату начала Прохоровского сражения, исходя из понятия «СРАЖЕНИЕ»! Не 12 июля, а 10-е!!! И началось оно не с удара 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта Ротмистрова, а с удара танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» (в дальнейшем — тд СС «АГ») и оборонительных боевых действий 52-й гвардейской стрелковой дивизии ...»¹⁷. Дискуссия о датировке, как видно из этого фрагмента, была «затеяна» только с одной целью: пересмотреть ход и, как следствие, итоги сражения, представив его как бездарную операцию, в развитии которой инициатива была в руках нацистов. При анализе вышеприведенных рассуждений возникает вопрос о причинах формирования подобного рода оценок и мифов. Ответ же следует искать не в плоскости научных изысканий, а в политическом и идеологическом заказе 90-х гг. XX в.

Следующим важным вопросом является освещение хода сражения под Прохоровкой. Так, «13 июля начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский докладывал И. В. Сталину: «Вчера лично наблюдал к юго-западу

---

¹⁶ Минц И. И. Великая Отечественная война Советского Союза. – М., 1947. – С. 358.

¹⁷ Олейников Г.А. Прохоровское сражение (июль 1943). — СПб., 1998.

от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го танковых корпусов с более чем двумястами танками противника... В течение двух дней боев 29-й танковый корпус потерял до 60% и 18-й танковый корпус до 30% танков»¹⁸. Исходя из концепции М. В. Коломиеца и М. Н. Свирина ход Прохоровского сражения выглядел следующим образом: «В 8:30 главные силы немецких войск в составе танковых дивизий «Лейбштандарт», «Адольф Гитлер», «Дас Райх» и «Тотенкопф» ... перешли в наступление в направлении ст. Прохоровка в полосе шоссе и железной дорог. Немецкая группировка была атакована основными силами 5-й гв. танковой армии. К полудню 12 июля немецкому командованию стало ясно, что фронтальное наступление на Прохоровку не удалось. Тогда оно решило, форсировав р. Псел, выйти частью сил севернее Прохоровки в тылы 5-й гвардейской танковой армии»¹⁹.

Командир танковой роты П.И. Громцев рассказывал: «Сначала стреляли по "Тиграм" метров с 700. Видишь-попадешь, искры бронебойные высекают, а он идет хоть бы что и один за другим расстреливает наши танки. Благоприятствовала лишь сильная июльская жара, "Тигры" то там, то здесь все же загорались».

О масштабах и остроте битвы могут свидетельствовать следующие строки воспоминаний фронтовиков: «Пыль и дым буквально висели гигантскими малахаями над ними и над нами. В танке становилось невмоготу. От жары стрельбы броня нагрелась, дым от пулеметов царапал горло и ноздри».²⁰

Действительно, анализ и официальных источниках, и мемуаров участников сражения подводит нас к выводу о безусловно одержанной победе под Прохоровкой и, одновременно, о невероятных усилиях, пондобившихся советским войскам для достижения этой победы.

Не случайным представляется то, что самой принципиальной и болезненной дискуссией в исторической науке и общественной жизни

---

¹⁸ Минц И. И. Указ соч. – С. 360.

¹⁹ Коломиец М. В., Свирин М. Н. Курская дуга. 5 июля - 23 августа 1943 г. – М., 1998.

²⁰ Журнал «Военные знания». № 7. 1983 г. С. 8 - 9.

является дискуссия об итогах и значении сражения под Прохоровкой, в рамках которой также рождено немало мифов.

Существуют диаметрально противоположные оценки Прохоровского танкового сражения. В альманахе «Военный вестник» (за май 2001 г.) можно прочитать, например, следующее: «Однако несколько иначе оценить это военное событие заставляет пристальный взгляд на факты и источники. А они свидетельствуют: в этот день в ходе контрудара введенной в бой под Прохоровкой 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова ее пять корпусов потеряли большую часть своих 850 танков, сумев лишь немного потеснить три дивизии 2-го танкового корпуса СС. После битвы под Прохоровкой враг вовсе не обратился в бегство». Однако автор тут же оговорился: «Но операция "Цитадель" окончательно выдохлась, эта авантюра потеряла стратегический смысл»²¹. То есть, даже пытаясь умалить военные заслуги П. А. Ротмистрова, автор не в состоянии найти аргументы против тезиса о значительной роли Прохоровки в победе советского оружия в Курской битве.

Немецкий же историк Карл-Хайнц Фризер в своем интервью для влиятельной информационной немецкой газеты "Die Welt" утверждал: «Советские генералы сделали неправильно все, что только можно было сделать... Таким образом, «атака камикадзе» в исполнении 29-го танкового корпуса окончилась в незамеченной ловушке... Русские потеряли 172 из 219 танков...»²²

Взвешенную позицию обнаруживаем в следующих строках: «В результате встречного сражения в районе Прохоровки ни одна из сторон не смогла решить поставленные перед ней задачи: немцы — прорваться в район Курска, а 5-я гвардейская танковая армия — выйти в район Яковлево, разгромив противостоящего противника. Но, тем не менее, путь врагу на Курск был закрыт. Безусловно, мы выиграли под Прохоровкой, не позволив противнику

---

²¹ Военный вестник. Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. Май '2001. - №5(16)

²² Цит. по: <http://doctorbykov.livejournal.com/9220.html>

прорваться на оперативный простор, заставили его отказаться от своих далеко идущих планов и вынудили отойти в исходное положение».²³

Анализируя вышесказанное, подходим к ещё одному мифу, активно тиражируемому в научно-популярной литературе. Это утверждение о минимальных, по сравнению с советскими, потерях вермахта. Так, например, немецкий историк Карл-Хайнц Фризер утверждает: «У Ротмистра 12 июля было 838 боевых машин... На 13.00 следующего дня, 13 июля, в строю находилось 399 танков и 11 самоходных артиллерийских установок»²⁴. Автор напрямую утверждает, что советские войска потеряли 419 танков и 31 артиллерийскую установку. Потери немецких же войск, по его мнению, составляют 43 танка и 12 самоходных штурмовых орудий.

По заявлениям Михаила Поликарпова: «... Даже потерпев поражение, Вермахт понес намного меньшие потери, нежели мы». Данную мысль буквально «под копирку» повторяют и другие «любители открывать истинные факты» о Прохоровке, она находит отражение в сети Интернет. Вновь возникает вопрос о причинах широкого распространения этого мифа. И ответом являются проводимые данными авторами параллели между развитием отечественной и иностранной техники с целью дискредитировать советские и российские достижения, успехи, победы: «Наши танки по-прежнему обладают "генетикой" Т-34 - они так же тесны внутри, у них маленький экипаж. А вот американские и европейские машины — это внуки "Тигра". Они отличаются большей сложностью, лучшей защитой и более серьезным вооружением... нужно учиться воевать так же качественно и с таким же умом, как и наши враги под Прохоровкой»²⁵. С какой легкостью под пером М. Поликарпова победа советских войск в самом масштабном танковом сражении превращается практически в поражение!

---

²³ Коломиец М. В., Свирин М. Н. Указ. Соч. – С. 16.

²⁴ Цит. по: <http://doctorbykov.livejournal.com/9220.html>

²⁵ Цит. по: <http://www.pravda.ru/world/nationals/nasledie/19-07-2003/30284-prohorovka-0/>

Однако анализ официальных источников и источников личного происхождения дает нам другие результаты. Так, Н. Хрущев в своем донесении И.В. Сталину о танковом сражении 12-го июля 1943 года в районе Прохоровка, Курской области описывал потери немецких войск: «За 12.7.[19]43 г. противник понес следующие потери: Танков 150 — 160, из них до 40 типа «Тигр», 25 орудий, 14 пулеметов, 16 минометов, до 100 автомашин и 1500 солдат и офицеров противника».

Обращаясь к воспоминаниям участников сражения, опубликованным в виде интервью в 1983 году, читаем: «А бой всё гремел. Шла настоящая дуэль танков и людей. Потом мы узнаем, что танки противостояли друг другу на протяжении нескольких километров и что их с обеих сторон было свыше 1200. Где-то около полудня или чуть позже немецкие танки вдруг начали пятиться... Мы начали преследовать гитлеровцев...»²⁶.

На Прохоровском поле, действительно, количество танков сражалось против их качества. Так, чтобы поразить тяжелый танк, Т-34 должен был приблизиться к нему на 500 метров, что далеко не всегда удавалось. И именно здесь проявились и военное умение советских военачальников, и офицеров, и высокая степень обученности танковых экипажей. Обратимся вновь к мемуарам участников сражения под Прохоровкой. В воспоминаниях Василия Ивановича Коваленко читаем: «Все вокруг горит, взрываются боекомплекты. В панике выскакивают горящие танкисты – и наши, и немцы, катаясь по земле, оббивая горящее обмундирование... Наш командир корпуса генерал Ротмистров был из толковых командиров. Накануне боя было организовано обучение - где найти самые уязвимые места у «тигра», чтобы Т-34 мог поразить его»²⁷. А в мемуарах, опубликованных в 1983 г. в журнале «Военные знания» мы находим такой рассказ: ««Тигры», имевшие 88-миллиметровые зенитные пушки, открыли огонь болванками километров с полутора, в то

²⁶ **Военные знания.** - № 7 – 1983 - С. 8 - 9.

²⁷ Цит. по: <http://iremember.ru/memoirs/tankisti/kovalenko-vasiliy-ivanovich/>

время как мы могли стрелять только с дистанции восемьсот метров. Для наблюдения за полем боя у меня осталось только одно крохотное отверстие для пулемётного прицела... После боя мы узнали, что ротный своим танком подал всем пример идти на сближение с врагом, чтобы иметь возможность бить по нему с коротких дистанций»²⁸.

Таким образом, обращение к разного рода источникам способствует развенчанию мифа о неумелых действиях советских солдат и офицеров в ходе сражения под Прохоровкой, о минимальных потерях вермахта и фактической его победе.

Итак, анализ историографии, официальных источников (донесений, сводок и т. д.), а также источников личного происхождения, подводит нас к выводу об исключительном значении сражения под Прохоровкой. При всех оговорках, в восприятии самых разных участников сражения, это была безусловная победа. Победа военная, победа, укрепившая веру в скорейшее освобождение родной земли от нацистских орд.

---

²⁸ **Военные знания.** - № 7 – 1983 - С. 8 - 9.

Война за польское наследство 1733 – 1735 гг.

Калинина Наталья

(Статья опубликована в сборнике Ключевские чтения-2017. Образ и смысл Победы в российской истории / В.Е. Воронин и др. – М., 2017)

Говоря об образе и смысле победы в российской истории, следует начать со значения столь важного для нашего народа понятия. В толковых словарях обнаруживается это слово в узком смысле, как «успех в битве, войне при полном поражении противника», и более широком значении – «успех в борьбе за что-либо»²⁹. Так, выделяют победы военные, дипломатические, научные, идейные и другие. За более чем тысячелетнюю историю Российское государство одержало немало побед, как во внешней политике, так и во внутренней. Во внутривнутриполитическом плане это достижения в науке, культуре, образовании, прогрессивные и успешные реформы, ведущие к развитию и процветанию страны. Во внешней политике это, прежде всего, заключение продуктивных международных договоров и союзов, успехи в военных операциях, завоевание новых и защита принадлежащих стране территорий.

Однако в отечественной историографии есть немало сюжетов, связанных с военными и дипломатическими победами России и вызывающих при этом оживленные дискуссии, неоднозначные оценки. Среди них – война за польское наследство 1733 – 1735 гг. Этот эпизод истории России XVIII века часто и, думается, незаслуженно оставался без внимания. Причиной тому была традиционная историографическая оценка внутренней политики императрицы Анны Иоанновны. Ключевым тезисом здесь была идея о «немецком засилье» при дворе императрицы, прибывшей из Курляндии. Впервые мысли о «немецкой партии» зазвучали в трудах С. М. Соловьева³⁰. Обращаясь к лекциям Василия Осиповича Ключевского, в частности, читаем: «Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели

²⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1989.

³⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – 18 т. – М., 2001. – Т. 12.

престол, забирались на все доходные места в управлении»³¹. Аналогичную оценку можно увидеть в трудах дореволюционных историков – Н. И. Костомарова, С. Ф. Платонова, советских и современных российских исследователей – М. Н. Покровского, Н. И. Павленко³², Н. Н. Петрухинцева³³. Безусловно, в целом коррелировала с негативной оценкой внутренней политики императрицы и оценка политики внешней: «Немецкое правительство ... обязано было для собственной безопасности поддержать свой престиж в России и в Европе. Этого и немудрено было добиться [в] России с ее превосходным петровским войском, которого еще не успели вполне расстроить». Таким образом, внешнеполитический курс периода правления Анны Иоанновны мерк в свете активно обсуждаемых проблем бироновщины, немецкого засилья, особенностей личности императрицы и ее окружения при дворе. Однако в отечественной исторической науке XIX - XX вв. сложилась и иная, глубоко отличная от представленной концепция. Ее представителями являются Д. Ф. Масловский³⁴, Г. А. Некрасов³⁵, Е. В. Анисимов, А. Б. Каменский. Исследователи подчеркивали внешнеполитические и дипломатические заслуги и успехи Миниха, Остермана и Ласси, высоко оценивали состояние и подготовку русской армии 30-40-х гг. XVIII в., делая вывод о значимости для международного статуса России побед десятилетия Анны Иоанновны. Немалое внимание в этой связи уделялось и войне за польское наследство.

В борьбу за польское наследство, имевшую место в 1733-1735 годах, оказались втянуты крупнейшие страны Европы. Россия, посадив своего ставленника – Августа III - на престол, одержала в ней большую не только

---

³¹ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. – М., 1993. – Кн. 3. – С. 184.

³² Павленко Н. И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. – М., 2002.

³³ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривнутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 годов. – СПб, 2001.

³⁴ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. – СПб., 1891.

³⁵ Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике (1725-1739). – М., 1976.

военную, но и дипломатическую победу, утвердив себя как еще одну великую державу среди европейских государств.

Для понимания значения побед России на европейских театрах боевых действий, необходимо обратиться к анализу причин участия Российской империи в указанных военных кампаниях. В частности, Евгений Викторович Анисимов полагает, что Австрии, Пруссии и России «с давних пор были небезразличны политические порядки в Польше. <...> не дать ни при каких обстоятельствах укрепиться в Польше сильной королевской власти ...». Тем самым, историк утверждает сугубо корыстные и не вполне честные мотивы действий трех держав относительно Речи Посполитой. Под другим углом зрения рассматривает проблему Николай Иванович Павленко, рассуждая о том, что в случае избрания Станислава Лещинского и победы французской дипломатии, Франция сможет завершить формирование блока государств, так называемого «восточного барьера», послушных воле французского правительства, но враждебных России. Ранее в «восточный барьер» входила Швеция на севере и Османская империя на юге; недоставало лишь западного соседа России – Речи Посполитой. Синтезирует эти идеи Г.А. Санин, уделяя внимание также тому, что перед Россией «по-прежнему стояла задача воссоединения тех украинских и белорусских земель, которые еще оставались под властью Польши»³⁶. Опровергает эту концепцию А.М. Столяров, называя вышеперечисленные причины слабо аргументированными и неправдоподобными. Избрание Станислава Лещинского, по его мнению, не могло никоим образом навредить России: он не имел на то ни желания, ни возможности. Нам кажется более близкой концепция Г.А. Санина, поскольку, по-моему, в данной ситуации играли роль не одна и не две, а сразу комплекс проблем, требующих решения. Сбрасывать со счетов вероятность причинения вреда России в связи с избранием Станислава Лещинского неверно, так как он

---

³⁶ Санин Г.А. История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). – М, 1998. – С. 80.

мог стать серьезным политическим орудием в международных отношениях, сыграть ключевую роль в разыгрывании карты «восточного барьера» в случае европейского конфликта. И враждебный блок, в перспективе способный образоваться у самых границ России, и намерение Польши удержать за собой Правобережную Украину, – все эти причины в их совокупности побудили Российское государство ввязаться в международный дипломатический и военный конфликт.

Еще одной немаловажной проблемой в процессе осмысления побед 1733 – 1735 гг. является вопрос об условиях, обеспечивавших успехи России на поле брани и в дипломатических миссиях. В первую очередь, это боеспособная и готовая к военным столкновениям армия и флот. В этом отношении у историков возникают дискуссии. Согласно данным, которые дает нам Д. Масловский, Россия «выставила, на первый случай, на западных границах армию в составе 18 полков пехоты, 10 полков конницы, казаков»³⁷. При этом русская армия, в отличие от Данцигского гарнизона, была организованной и «правильной, отлично устроенной». Однако С.М. Соловьев отмечает «малочисленность войска и недостаток во всем нужном для осады»³⁸ Данцига, запланированной уже на 1733 год. О том же говорит и Н. И. Павленко, утверждая, что «из 50-тысячного корпуса русских войск в Польше к Данцигу подошло только 12 тысяч»³⁹. Н. Петрухинцев справедливо утверждает, что «кораблестроительная программа 1732 г. была выполнена лишь частично. Причиной этого была как напряженность флотского бюджета, вызванная значительной недоимкой, так, очевидно, и отмеченной историками флота неудовлетворительное руководство флотом Н.Ф. Головина»⁴⁰. Итак, несмотря на относительную малочисленность и крайне негативное влияние плохого финансирования (и откровенного казнокрадства), русская армия отличалась

---

³⁷ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. – Спб., 1891. – С. 190.

³⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. – С. 341.

³⁹ Павленко Н. И. Указ. соч. – С. 306.

⁴⁰ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. – С. 282.

высокой степенью организованности, а следовательно, готовности к сражениям. Отсюда прямо вытекает еще одно «слагаемое» успеха – наличие «у штурвала» опытных и дальновидных военачальников.

Первоначально русской армией в Европе руководил граф Петр Петрович Ласси, находящийся под командованием русского посла Левенвольда. Прекрасно дипломатическая игра во всех подробностях и взаимодействие Ласси с Левенвольдом описаны С. М. Соловьевым. Исследователь приводит письмо Густава Бирона, командующего одним из полков: «Здесь как высшие, так и низшие страшно недовольны, потому что старший граф Левенвольд ... сам не знает, чего хочет; войско наше разбросано и подвержено неприятельским нападениям...мы бездельно стоим в Варшаве и допускаем неприятеля усиливаться... генерал Ласси не смеет слова выговорить, боясь нареканий от графа Левенвольда...»⁴¹. Противоречия между генералом и послом, безусловно, дезорганизовывали войска России. Мне кажется, это было основной причиной, препятствующей скорости движения русских войск в Европе. С другой стороны, данный источник дает нам, как кажется, ценный материал для понимания процесса формирования образа победы в сознании представителей российского дворянства первой половины XVIII в., когда Россия заявила о себе как о мировой державе. В словах подполковника лейб-гвардии Измайловского полка нашли отражение и волнение офицеров за исход кампании, и их стремление «добыть славу» для России, и даже боль за упущенные возможности в связи с бездарностью Левенвольда.

Судьба русской армии в это время была также тесно связана с генералом-фельдмаршалом Б.К. Минихом, вызванным под Данциг из-за не удовлетворявшей русский двор медлительности Ласси. Интересное сравнение историографических концепций оценки Миниха приводит А.Б. Каменский: Миних, будучи главой Военной коллегии, принял ряд важных «уставов и инструкций, которые ... “направляли боевую подготовку войска совершенно

---

⁴¹ Соловьев С. М. Указ. соч. – С. 253.

по иному пути в духе прусской системы". По мнению П.П. Епифанова, "насаждением пруссачества" был расстроен "военный механизм государства". Более того, казнокрадство и расточительство временщиков "самым пагубным образом отразились на положении вооруженных сил государства...". Бросив столь серьезное обвинение, автор, однако, не удосужился как-либо его обосновать⁴². О Б. Минихе рассуждает и Масловский, утверждая, что, боевой список генерала прямо доказывал его стремление к славе, хотя его опытность не выделялась и, по сравнению с Ласси. Противоположную точку зрения развивает Н.И. Павленко, предписывая Миниху отсутствие полководческого таланта и критикуя практически все его реформы, признавая их бессмысленными. Современные исследователи, в том числе, В. А. Волков, гораздо более взвешенно подходят к оценке личности и деятельности Миниха, подчеркивая достижения и труд военачальника во благо России: «В 1732 г., став президентом Военной коллегии, Б.К. Миних провел важные реформы в русской армии, заметно повысившие ее боеспособность». На наш взгляд, пыл и темперамент Миниха, стремившегося везде успеть, действующего импульсивно и поспешно, сыграли не столько негативную роль, ставя порой русское войско под угрозу и опасность, столько позитивную: без него русская армия вряд ли бы смогла продвинуться в Европе так далеко в такие короткие сроки.

Победа России в войне за польское наследство была как военной, так и дипломатической. Интересна, как мне кажется, заслуживает «Декларация доброжелательных» - документ 1733 года, в котором некие «доброжелательные» обращаются к союзным державам с просьбой о защите свободы Польши. Н.И. Павленко называет документ «состряпанной фальшивкой», однако единственным средством, благодаря которому Россия

---

⁴² Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) – М, 2001. – С. 226.

могла противостоять Франции и оправдать вторжение русских войск в Польшу. От негативной оценки отказывается С. М. Соловьев, отмечая лишь то, что данная декларация «не оставила равнодушной» партию Лещинского и возымела желаемый эффект. Вторым этапом является вторжение русских войск в Польшу в связи с созывом избирательного сейма. 20 сентября близ Праги, куда ушло несогласное с результатом выборов большинство, польским королем был избран Август III. Не дождавшись помощи военных сил Франции, Станислав Лещинский бежит в Данциг, чтобы укрыться там от наступающих русских войск. Бомбардировка Данцига началась в апреле 1734 года, когда русская эскадра кораблей доставила снаряды, а французская эскадра, в свою очередь, безоговорочно ей сдалась. Новоизбранный король Станислав Лещинский, переодевшись в крестьянское платье, бежит из города. 28 июня 1734 года Гданьск капитулировал; население признавало королевскую власть Августа III и обязывалось выплатить существенную контрибуцию.

Дальнейшие события развивались менее стремительно – русская армия отправилась в Австрию, потребовавшую от России помощи в начавшейся в связи с польскими событиями австро-французской войне. Осенью 1735 года был заключен мирный договор; Франция признала Августа III польским королем лишь 4 года спустя.

Итак, победа русских войск и дипломатии во время борьбы за польское наследство 1733-1735 годов имела очень большое значение. Россия впервые продвинулась так далеко в Европу. В этом плане очень интересно было бы обратить внимание на концепцию Г.А. Некрасова. Исследователь доказал, что Россия этой победой впервые по-настоящему вышла на международную дипломатическую арену. До этого в отечественной и зарубежной историографии во многом преобладала традиция «сглаживания углов»: из-за общего негативного восприятия царствования Анны Иоанновны, достигнутый успех предвзято игнорировался, его значение приуменьшалось или вовсе не

оценивалось. Успех русских войск списывался не на организацию и боеспособность армии, а на просчеты польских вооруженных сил. Вместе с тем, перед нами действительно победа, значение и результаты которой очевидно велики. Успехи России, достигнутые в этот период, как мне кажется, положили начало череде военных побед России. В частности, закрепление положения страны как мировой державы и сильнейшей империи дало ей возможность проявить себя в последовавшей Семилетней войне 1756-1763 гг., которая значительно умножила боевой опыт, воинское искусство и еще более укрепила авторитет русской армии в Европе и во всем мире.

Три Софии: храм как образ власти

Киеня Ксения

(Статья опубликована в сборнике *Этнос, город и государство в древности и средневековье: Материалы II Всероссийской школьной исторической конференции с международным участием, г. Москва, 25 февраля 2017 года - М., 2017*)

Сквозь века слышится грозный древнерусский клич: «За Новгород! За святую Софию!». Однако откуда пришел в сознание русинов, в наше сознание, этот образ? И здесь мы сталкиваемся с традицией, уходящей корнями в драматичное и блистательное прошлое Византийской империи эпохи Юстиниана I. Образ Софии, воспринятый в первое столетие древнерусского христианства, претерпел значительные внешние изменения на отечественной почве. Но неизменным осталось его содержательное наполнение, как ключевого символа великокняжеской власти для Киева, важнейшего символа города для Новгорода. Формирование образа власти – тема, крайне актуальная, вызывающая научный интерес и сегодня. Наиболее значимый в социальном плане аспект этой темы – взаимодействие власти и общества. И здесь мы видим принципиальные отличия в процессе становления в общественном сознании образов власти в Византии и на Руси (строительство храма как итог жестокого подавления восстания «Ника» в первом случае, и храм как способ утверждения равенства «новых» христианских народов – во втором), что, безусловно, нашло отражение в особенностях архитектуры и убранства соборов.

Цель исследования - на основе анализа исторических источников выявить особенности формирования образа святой Софии в Византии и на Руси; обнаружить, как эти особенности отразились в «тексте» фресок и мозаик храмов. Для достижения поставленной цели, необходимо решить несколько задач. Во-первых, проанализировать причину появления Софии Константинопольской – восстание «Ника». Во-вторых, охарактеризовать

«идейную программу» Софии Константинопольской как символа власти. Наконец, в-третьих, охарактеризовать «идейную программу» Софийских храмов Древней Руси, выявив общее и особенное.

Причины, породившие эту миссию храма, и ее реализация в Византии и на Руси являются ключевой проблемой нашего исследования.

Итак, период конца V - начала VI в. явился для Константинополя временем серьезных общественных потрясений, причиной которых были ростовщичество и спекуляции. «По приходе к власти Юстиниан весьма энергично повел борьбу против этих явлений. Уже сама кодификация права *говорит об этом*»⁴³. Аристократов не устраивало укрепление власти императора, торговцев – контроль над ценами со стороны властей. Среди народа, постоянно видевшего перед собой призрак голода и нищеты, состояние недовольства было наиболее глубоким. Атмосфера была накалена до предела. И в январе 532 г. в Константинополе разразилось крупнейшее народное волнение - восстание Ника. Начавшись как стихийный народный мятеж, оно приобрело характер движения антиправительственного и даже антиимператорского. Решающую роль в восстании Ника сыграли именно народные массы. При этом разделение на партии ипподрома играло второстепенную роль. Однако время было упущено и Юстиниан, оправившись от страха и замешательства, принял самые активные меры по подавлению мятежа, утопив в крови ипподром...

После восстания Ника Юстиниан, понимая активность низов Константинополя, задумал проект, призванный объединить всех. Возвращение доверия к власти Божественного императора в условиях религиозной формы сознания, могло стать реальностью только одним способом – через всеобщее созерцание Божественного чуда. Этим чудом стал храм св. Софии в Константинополе. Более того, развернувшееся вскоре после восстания Ника грандиозное строительство, потребовав значительного числа

---

⁴³ Чекалова А. А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. - СПб., 1997. – С. 337.

рабочих рук, уменьшило круг недовольных своим положением людей и смягчило на время социальные противоречия в городе.

Невиданное и неслыханное великолепие храма до такой степени поражало народную фантазию, что сложились легенды о непосредственном участии в его сооружении небесных сил. «Соломон, я превзошёл тебя!» — такие слова произнес, по преданию, Юстиниан, войдя в построенный собор и имея в виду легендарный Иерусалимский Храм. Гигантская купольная система собора стала шедевром архитектурной мысли своего времени. Это обстоятельство породило еще одну легенду о том, что купол Софии висит на золотой цепи, сброшенной Всевышним с неба для Юстиниана. Так постепенно восстанавливался, формировался величественный, грозный и отчасти устрашающий образ власти.

Много столетий спустя именно этот образ власти пришел из Византии на Русь. Однако сравнивая три Софии - Константинопольскую, Киевскую и Новгородскую – мы видим не только общие черты, но и определенные отличия в реализации интересующего нас образа.

Рассматривая обстоятельства постройки Софии Киевской (и отчасти, Новгородской) при князе Ярославе Мудром, нельзя не заметить определенные параллели, черты сходства с обстоятельствами постройки главного собора Царьграда. Первое, что бросается в глаза, это такая же активная строительная деятельность князя. В ПВЛ под 6545 г. записано: «Заложы Ярославъ городъ великыи, у него же града суть Златая врата; заложы же и церковь святыя Софья, и посемь церковь на Золотыхъ воротахъ...»⁴⁴. Митрополит Иларион, вторя Юстиниану, сопоставил Софию Киевскую с знаменитым храмом в Иерусалиме⁴⁵. Эта аллюзия, замеченная М. Б. Свердловым, вовсе не случайна

---

⁴⁴ Повесть временных лет/ Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. - СПб, 1996. – С. 66.

⁴⁵ Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона / А. М. Молдаван // БЛДР. – Т. 1. XI—XII века. – СПб., 1997. – С. 50.

и была призвана в глазах слушателей возвысить статус власти Ярослава Мудрого до уровня легендарных императоров Царьграда.

Вторым значимым обстоятельством, предшествовавшим постройке Софии и напоминающим отчасти причины возникновения Софии Константинопольской, является восстание в Суздальской земле 1024 г. Летопись говорит о том, что голод охватил далеко не все слои населения Суздальской земли. "Старая чадь" (племенная знать) не голодала, она пользовалась народным бедствием. Придя в Суздальский край, Ярослав захватил волхвов, одних казнил, а других отправил в изгнание. Мятеж был подавлен, но перед князем вновь остро встала задача укрепления власти и авторитета церкви. Еще одно любопытное совпадение – законодательная деятельность Ярослава Мудрого - создание Русской Правды. И здесь мы видим закономерность: как в VI в. византийский император Юстиниан, укрепляя личную власть, кодифицировал законы, унифицировал религиозные обряды, занимался активным строительством для восстановления социального мира и порядка, также и Ярослав Мудрый даровал русинам закон, боролся с проявлениями языческой оппозиции, народными выступлениями, способствовал распространению и укоренению христианства, вел широкое строительство. И все три Софии, в первую очередь, являют нам блестящий пример символов власти.

Итак, Ярослав Мудрый, как известно, при постройке Софийских соборов в Киеве и Новгороде взял за образец Софию Константинопольскую. Но насколько далеки внешне оказались «копии» от «оригинала»!

Собор Святой Софии — храм, построенный в центре Киева на месте победы над печенегами. Софийский собор представлял собой пятинефный крестово-купольный храм с 13 главами. Собор имел пирамидальную композицию. Его интерьер в центральной части, подкупольном пространстве и главной апсиде украшен прекрасной мозаикой с золотым фоном, по примеру константинопольской Софии, но боковые части - фресками, что явилось результатом

самостоятельного творчества. В зените купола располагалась мозаика с изображением Христа Вседержителя. Облик его суров и сдержан, величественен и монументален, что создавало ощущение твердости власти, транслировало собственно византийский образ власти. Однако в случае с киевским храмом обращен этот образ и к Руси христианской, и к язычникам, и к духовным учителям-ромеем. Не случайным поэтому представляется тот факт, что строители храма увеличили число нефов и добавили световых барабанов.

На наш взгляд, невозможно анализируя образ власти, обойти вниманием светские сюжеты живописи Византии и Руси. «В Византии светское направление в культуре было связано с культом императора и прославлением державы ромеев... Эти мотивы находили глубокий отклик в Древней Руси и охотно использовались для возвеличивания княжеской власти»⁴⁶. Пышные пиры при дворе Ярослава Мудрого, скоморошьи забавы, сцены охоты, семейного быта – всё это нашло красочное отражение на стенах Софии в Киеве. Впрочем, эти фрески не давили на зрителя, создавали ощущение радости, оптимизма и ликования, и в этом можно увидеть отличие византийского и древнерусского образов власти.

Еще один аспект реализации образа власти – ктиторские портреты в Софии Константинопольской и Киевской. Удивительно похожи эти портреты и по содержанию, и по композиции. Вся ктиторская сцена, по замыслу Ярослава, должна была знаменовать могущество и независимость Киевской Руси, силу и богатство ее великого князя.

В 1045 - 1050 годах был построен главный православный храм Великого Новгорода - собор Святой Софии. На протяжении столетий именно он стал главным духовным центром Новгородской республики, главным символом города, символом власти, войдя даже в воинский клич: «За Новгород и Святую Софию!». Первоначально стены храма не были побелены, за исключением

---

⁴⁶ Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. - М, 1974. - С. 141.

криволинейных в плане апсид и барабанов, покрытых слоем цемянки. Такое оформление было выбрано под воздействием архитектуры Константинополя, то есть и здесь мы сталкиваемся и с византийской культурной традицией, и с соответствующим образом власти.

Собор, как и София Киевская, представляет собой пятинефный крестово-купольный храм, имеет пять глав, шестая венчает лестничную башню. Интерьер близок к киевскому храму, хотя пропорции вытянутых по вертикали арок заметно отличаются. Благодаря этому некоторые детали претерпели упрощение. «София Новгородская... дает совершенно новые художественные решения, неизвестные южнорусскому и византийскому зодчеству. Нарядная щеголеватость внешнего декора южнорусского храма уступила место благородной простоте внешнего убранства»⁴⁷, - писал Б. А. Рыбаков. Новгородский Софийский собор, как, впрочем, и киевский, использовался не только для богослужения. Он являлся местом, где проходили приемы иностранных посольств, здесь размещались библиотека и архив. Появление данного храма как символа власти было продиктовано необходимостью дальнейшего распространения и укрепления христианства в новгородской земле. Ярослав Мудрый софийскими храмами словно маркирует, обозначает границы православной Руси.

Действительно, в строгих вытянутых формах Софии Новгородской или в пирамидальном многовершии Софии Киевской сложно сразу увидеть черты Софии Юстиниана, но очевидно одно: все три храма выполняли важную миссию – прославление власти правителя. Ее исток находился в Византии, но ее содержание наполнялось на Руси новым конкретным смыслом. София стала символом политически единого государства, во главе которого находился мудрый и могущественный князь. Эта мысль еще более усиливается, когда мы созерцаем фреску-процессию двенадцати членов семьи Ярослава Мудрого, прямого символа апостольской миссии династии. Для людей, молящихся в

---

⁴⁷ Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. – М., 1984. - С. 15.

храме, Ярослав, его жена и дети, изображенные на фреске, становились освященными членами Земной Церкви.

Проблема Человека в общественном сознании Руси XII – XV вв.

Дорогова Мария, Шенчук Валерия

(Работа-призер школьной конференции «Открытие»)

Отношение к проблеме человека является ключевой в философских традициях и общественном сознании любой цивилизации, любой эпохи. Именно здесь и проходит «цивилизационный водораздел», формируется противопоставление «мы-они», этническая самоидентификация, строится диалог культур. Вот почему анализ отношения к Человеку в рамках православной, католической, протестантской этики отличается такой актуальностью.

Цель работы - на основе анализа исторических источников (письменных, а также произведений искусства) XII – XV вв. выявить особенности восприятия человека в древнерусской православной традиции, дать оценку дискуссии о реформационном движении в России.

Проблема отношения к человеку, его природе, греху, спасению души – пожалуй, важнейший вопрос богословия – является ключевой для понимания особенностей религиозного (и, как следствие, этнического) сознания различных народностей эпохи Средневековья, в том числе, и древнерусской народности. В христианской антропологии, хамартологии, других отраслях богословия на протяжении столетий формировались соответствующие представления о человеке, которые в совокупности можно назвать «христианским гуманизмом».

Гуманизм в общечеловеческом понимании – «человечность в общественной деятельности, в отношении к людям»ⁱ. Под гуманизмом также понимают «прогрессивное движение эпохи Возрождения, направленное на освобождение личности от идейного закрепощения католицизма»ⁱⁱ.

Переходя к характеристике религиозного сознания древнерусских книжников XII в., нельзя не отметить, что «в пору, когда между отдельными

княжествами распадались экономические и политические связи, в литературе возникло прямо противоположное явление – стремление к объединению»ⁱⁱⁱ.

Для того, чтобы пролить свет на проблему специфики древнерусского христианства и представлений книжников о природе человека, грехе, спасении; для понимания «идейной программы», предлагаемой обществу XII в., следует обратиться прежде всего к произведениям Климента Смолятича и, конечно, «Златоуста земли Русской» Кирилла Туровского.

Второй, после Илариона, митрополит-русин Климент Смолятич в «Послании к Фоме, пресвитеру» (ок. 1147 г.) доказывает право русского священства самостоятельно толковать священные тексты, тем самым, отстаивая духовную независимость древнерусской церкви и Руси^{iv}. С другой стороны, данная мысль, по сути, является отражением идеи свободы выбора человека как лучшего творения Бога, безусловно, гуманистической идеи^v. Свобода мысли неизменно влечет свободу выбора, свободу воли человека. Здесь как раз наиболее рельефно проступают принципиальные отличия католичества и православия (тем более, древнерусского православия). Тезис, который будет выдвинут европейскими гуманистами лишь в XV – XVI вв., достаточно четко обозначен древнерусским мыслителем XII столетия^{vi}. Таким образом, Климент Смолятич продолжает «демократичную» оптимистическую линию митрополита Илариона, отстаивая самостоятельность книжника.

Весьма значимо для нас и то, как понимает митрополит спасение. В этом вопросе прослеживается и влияние кирилло-мефодиевской традиции, и отчасти ранней византийской патристики. Спасения «достойны все уверовавшие в Бога и искренне служащие Ему. В ответ и Господь никого не оставит и каждому дарует спасение и жизнь вечную»^{vii}. И здесь мы сталкиваемся с прославлением Человека вообще и опять-таки со столь характерным для древнерусского этнорелигиозного сознания оптимизмом: «(Бог) устрааеть и промышляеть премудрено спасение наше и повелевает комуждо...»^{viii}. Учитывая этот оптимизм, а также весьма развернутые

описания «диких» библейских и мифических животных, ветхозаветных сюжетов, можно прийти к выводу о «созвучности» послания идейной и эстетической программе рельефов соборов Галицкой земли и Северо-Восточной Руси. В «Послании» Климента Смолятича разворачивается «ковровый орнамент», в котором переплетаются рассказы о Соломоне и Александре Македонском, грифонах и саламандрах, а отцы церкви путешествуют, окруженные древними богами («великий Григорий Богословец плывае во Афины... суровства Посидонска свободишася...»^{ix}). Внимание к пейзажу, восхищение природой, в том числе, «человеческой природой» – все это придет в европейскую литературу лишь в пору Возрождения в произведениях Данте Алигьери, а также трудах итальянских и «заальпийских» гуманистов.

Переходя к характеристике литературного наследия одного из блестящих древнерусских проповедников Кирилла Туровского отметим, во-первых, преемственность основных богословских и социально-политических проблем, отразившихся в произведениях Илариона, Климента Смолятича и туровского епископа. Это тем более показательно, если учесть, что все три пастыря представляют различные земли и эпохи развития Древней Руси^x.

«Основная тема Кирилла, выдвинувшая его среди древнерусских мыслителей, - это проблема собственно Человека. Кирилл выступает с позиций последовательного антропоцентризма: человек – центр Вселенной, «венец творения»^{xi}. Особенно рельефно эта тема выражена в «Слове о расслабленном»^{xii}. Основным методом Кирилла Туровского – метод символично-аллегорического толкования Священного Писания. Пожалуй, именно у Кирилла он достиг наибольшего совершенства. В «Притче о душе и теле»^{xiii}, «Повести о белоризце-человеке и о монашестве»^{xiv} Кирилл рассматривает проблему соотношения в человеке духовного и телесного начал, божественного и низменного, плотского, материального.

Идеал, образец жизни для Кирилла Туровского – монастырь. Кирилл называет и главные добродетели, открывающие путь к спасению, – смирение и послушание, полный отказ от своей воли^{xv}. Но ведь этот отказ от воли – тоже результат свободного волеизъявления человека, выбора им своего пути в жизни. В этом смысле Кирилл вполне продолжает линию, начатую в древнерусской литературе Феодосием Печерским. Однако звучание его голоса несравненно сильнее. Кирилл выходит на более широкую аудиторию. Не менее широко и убедительно звучат полемические речи Кирилла Туровского («Слово о слепце и хромце»). «Однако политические события для Кирилла явились лишь поводом для рассуждений о смысле человеческого бытия, об ответственности человека перед Богом, о наказании за прегрешения и особенно о сущности и соотношении власти, церковной и светской»^{xvi}.

Для выявления богословских взглядов Кирилла Туровского, принадлежности его к особой древнерусской религиозной традиции, необходимо обратиться также к молитвам, составленным русским Златоустом. «Изучение молитвословного творчества древнерусского книжника осложнялось тем, что дошедшие до нас списки были не древнее конца XV в. Лишь два списка XIII в. так или иначе связываются с именем Кирилла Туровского»^{xvii}.

Диэезы (центральная часть) речей Кирилла Туровского – это, по сути, весьма вольный пересказ библейских сюжетов. Он старался как бы перенести слушателя в далекие библейские времена, сделать его зрителем, соучастником событий, дабы слушатели прониклись верой. В отечественной историографии не раз отмечалось сходство «пейзажей» Кирилла Туровского с соответствующими мотивами «Слова о полку Игореве».

«Количество списков, содержащих молитвы Кирилла Туровского, дает возможность говорить о популярности этих сочинений»^{xviii}.

«Одним из основных признаков произведений Кирилла Туровского является стремление к гармоничности»^{xix}. Молитва – есть восхождение,

лестница образов в стремлении, чтобы молитва была услышана и принята^{xx}. Молитвы Кирилла Туровского – пример собственно русских молитв. Доказательством тому служит не только форма и язык произведений, но и отражение в них особого оптимистического варианта христианства, в рамках которого душе дано право выбора между добром и злом, а грех воспринимается как нечто отдельное от человека.

Что касается риторических приемов, вскрывающих богословские взгляды Кирилла Туровского, то здесь обнаруживается удивительная преемственность туровского проповедника от первого митрополита-русина Илариона^{xxi}. Подобно тому, как «Слово» Илариона соотносится с мозаиками и фресками Софии Киевской, проповеди Туровского соотносятся с мозаиками церкви Михайловского монастыря^{xxii}. Самое главное, что роднит произведения древнерусских проповедников домонгольской поры, – преобладающий мотив радости и любования красотой Русской земли, овеянной Благодатью^{xxiii}. Если учесть, что значительная часть «Послания» Климента Смолятича также посвящена указанной проблеме, налицо преемственность в древнерусской литературе, говорящая о бытовании особой религиозной традиции, особого понимания христианского гуманизма.

Кирилла Туровского по праву называли «вторым Златоустом» - столь совершенными по форме и звучанию были его произведения, исполненные «атмосферой необыкновенного праздничного ликования»^{xxiv}. Бог для древнерусского мыслителя «неизреченно милостив». Ничего подобного не обнаруживается в современной Кириллу Туровскому византийской или латинской литературе.

Таким образом, на Руси задолго до европейского Возрождения были продекларированы и усвоены основные постулаты христианского гуманизма. Во-первых, это тезис о равенстве «новых» народов, во-вторых, позиция древнерусских полемистов об употреблении родного языка богослужения, в-третьих, идея возможности самостоятельного чтения и постижения смысла

богослужебных книг, и, конечно, поистине гуманистическое отношение к Человеку, свободному в выборе между добром и злом. Все эти постулаты не просто свидетельство бытования на Руси идей, которые кровью будут пробивать себе дорогу на Западе несколько столетий спустя, но подтверждение бытования специфической древнерусской религиозной традиции, единой на всем пространстве Русской земли.

Проблема восприятия Человека, его места в системе мироздания, его воли и выбора рассматривалась в отечественной историографии и на материале источников XIII – XV вв. В этой связи особый интерес вызывает концепция А. И. Клибанова. Ученый в результате длительного исследования сочинений книжников указанного периода пришел к парадоксальному выводу: «Реформации в России не было, но это не значит, что не было реформационного движения». Это движение, гуманистические реформационные идеи А. И. Клибанов обнаруживает уже в XIII столетии.

«Через живые примеры или посредством вымысла, рисовавшего всем доступные ситуации, проповедник шел к цели: образ в умах слушателей превращался в понятие. Образец такого выступления — «Слово о лживых учителях». «Лживых учителей» обличает простолюдин, взявший на себя миссию *истинного* учительства. Прислушаемся к проповеди, звучавшей на рубеже XIII-XIV вв.: «Рекше, еща пастуши (духовенство. — А К.) възволчатся, тогда подбаеть овци овце паствити — в день глада насытяться... В притци лепо есть разумети: еща бы посла рать к некоему граду, ти некто бы простьлюдин въскликал: «люди, побегаете в град, рать идеть на вы!» То быша слышавъше, людие смышлении бежали быша в град и избыли бы зла, а несмышлении рькли быша: «не князь муж поведаеть, не бежим в град». Пришьдши бы рать избила, а других повоевала».

И уже во второй половине XIV столетия, возникает первое, зафиксированное историографией как реформационное, движение на Руси.

Изначально, это движение зародилось в Пскове, и носило название «движение стригольников», во главе которого были некие Карп и Никита. Стригольники основывали свою веру только на Слове Божьем — Библии, отрицая так называемые «священные» предания, не признавали бессмертия души, осуждали богатство и роскошь духовенства. В 1375-м году в Новгороде Карп и Никита были казнены, а их последователи подвергнуты гонениям. «К середине XV столетия, в Новгороде оформляется новое реформационное движение в православии». В 1471-м году, из Киева в Новгород приехал князь Михаил Олелькович (Александрович). С ним прибыл и ученый купец еврей Захарий Скара или же Схария. Он был убежден в необходимости почитать седьмой день Субботу, как День Господень. Вскоре самые образованные люди из новгородских жителей — священники Дионисий и Алексей, а потом и софийский протопоп Гавриил, стали идеологами движения жидовствующих. Но в основе учения реформационного движения «жидовствующих», была не только доктрина о Субботе. Они также выступали против исповеди перед священником, против священного предания и почитания икон. Ратовали за признание свободы совести, веру в библейские пророчества, признание Библии единственным основанием для веры и отказ церкви от земель и роскоши.

В 1478 году, Новгород потерял свою самостоятельность и был присоединен к Москве. Как раз в эти годы великий князь Московский Иван III, дед Ивана Грозного, вновь объединил раздробленные русские княжества в одно государство, но уже со столицей в Москве.

В 1480 году Иван III побывал в Новгороде, где ознакомился с новым учением. Сознавая, что церковь действительно нуждается в коренной реформе, князь переводит руководителей движения Дионисия и Алексия в Москву, сделав одного протопопом Архангельского собора, другого — Успенского.

Однако уже «Государь всея Руси», утвердившись в своей власти, начал активную борьбу с еретиками, а по смерти Ивана Третьего на престол вступил Василий (1505–1533), продолжив истребление «ереси», начатое им еще при жизни отца.

Стоящие на позициях А. И. Клибанова современные исследователи отмечают, что Реформация на Руси развивалась независимо от Европы, обособленно, по совершенно иному сценарию. «Можно сказать, что русские протестанты, на несколько столетий, опередили протестантов Европы, поскольку изначально проповедовали весть «оправдание через веру» во всей ее полноте». То есть мы сталкиваемся с тем же выводом, к которому пришли ранее, но на другой концептуальной основе.

Так можно ли связывать гуманистические идеалы, бытовавшие на Руси, только с еретическими учениями XIV – XV вв.? Предшествующий материал не дает нам такой возможности.

Подкрепить доказательство нашей гипотезы можно обратившись к изобразительному искусству Московии XV в., к творческому наследию Андрея Рублева.

Как верно замечает Д. С. Лихачев, «вся русская культура конца XIV — начала XV века пронизана духом историзма, духом любви к славному прошлому своей родины... Темами русской истории увлечены не только русские книжники: к прошлому Руси обращаются и русская живопись, и русская архитектура. Центральное место в этом возродившемся интересе к родной истории, ко временам русской независимости, к домонгольскому периоду русской истории принадлежит Москве». Действительно, со времен княжения Дмитрия Донского впервые началась на Руси систематическая реставрация памятников, связанных со славными воспоминаниями об эпохе независимости Руси. К числу таких памятников принадлежал и Успенский собор. Построенный в XII веке, он являлся не только усыпальницей владимирских князей, но и местом, где они венчались на великое княжение. И

поскольку московские князья рассматривали себя как прямых преемников владимирских «самодержцев», постольку понятен их особый интерес к этому выдающемуся памятнику русской архитектуры, который настоятельно нуждался в обновлении после страшного пожара и татарского разграбления в 1237 году.

Мы видим, таким образом, прямую «идейную линию», соединяющую гениального русского живописца Андрея Рублева с книжниками домонгольской Руси.

Расчищенные части росписи являются фрагментами грандиозной композиции «Страшного суда», украшающей западные своды центрального и южного нефов, а также прилегающие столбы.

На западном своде центрального нефа, под хорами собора, мы видим фигуру Христа в ореоле из серафимов; правой рукой он указывает путь праведникам, левой — путь грешникам. В его образе нет ничего грозного, ничего устрашающего. Облаченный в золотистые одежды, он легко и свободно парит в голубом ореоле. По меткому наблюдению Н. А. Деминой, Христос предстает здесь нашему взору как «воплощение торжества, гуманности и творческого подъема. По-рублевски безупречно вписанный в круг, он не ограничен им. Касаясь ногой его предела, он как бы готов выступить из него, отчего композиция, полная монументальной ясности и завершенности, приобретает жизнь и движение. Круг и голубой цвет в поэтической образности Рублева символизировали свет, просвечивающий человека».

Слева и справа спешат к престолу Богоматерь и Креститель — заступники за род людской. Они выступают здесь носителями идеи милосердия, красной нитью проходящей через всю композицию «Страшного суда».

Интересно сравнить эту композицию, понимание места и значения Человека Андреем Рублевым, с композицией фрески «Страшный суд» Микеланджело в Сикстинской капелле. Здесь мы видим совсем иное, католическое прочтение проблемы Человека.

Христос изображен в момент разделения людей на праведников и грешных. Он подобен не всепрощающему Богу, но неумолимому карателю, могучему грозному Зевсу. Он воплощает собой не надежду и спасение, но закон и воздаяние. Его рука воздета в карающем жесте, грозное лицо повернуто в сторону грешников. Рядом с Христом Дева Мария, она отвернулась в смятении. Мадонна не может вмешиваться в суд (и в этом также кроется колоссальное отличие двух фресок). При сравнении обращают на себя внимание жесты правой руки Христа в исполнении Рублева и Микеланджело Буонарроти...

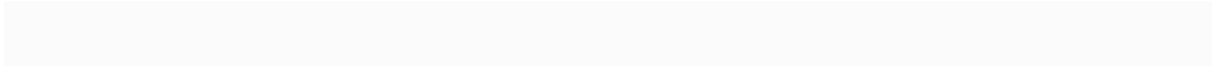
Прибавив к этому учение М. Лютера и Ж. Кальвина об отсутствии у человека свободы воли, права выбора между добром и злом, мы приходим к выводу о глубоком гуманизме православной древнерусской традиции.

Не могло быть Реформации и движения гуманистов там, где изначально существовали представления о Боге-Человеколюбце, о Человеке как лучшем и свободном создании...

Итак, анализ исторических источников различного происхождения XII – XV вв. убедительно доказывает несостоятельность концепции А. И. Клибанова о реформационном движении в России, однако именно эта концепция побуждает нас обратиться к рассмотрению идеи Человека в произведениях древнерусских книжников. В «Послании» Климента Смолятича разворачивается «ковровый орнамент», в котором переплетаются рассказы о Соломоне и Александре Македонском, грифонах и саламандрах... Внимание к пейзажу, восхищение природой, в том числе, «человеческой природой» – все это придет в европейскую литературу лишь в пору Возрождения в произведениях Данте Алигьери, а также трудах итальянских и «заальпийских» гуманистов.

Свобода мысли неизменно влечет свободу выбора, свободу воли человека. Здесь как раз наиболее рельефно проступают принципиальные отличия католичества и православия (тем более, древнерусского православия).

Тезис, который будет выдвинут европейскими гуманистами лишь в XV – XVI вв., достаточно четко обозначен древнерусскими мыслителями уже в XII столетии. Эту же идейную линию подхватят книжники XVI – XV вв., она найдет отражение в вечных образах, созданных Андреем Рублевым (*Примечания к наст. статье см. в конце документа*).

Миссия Адальберта и дипломатия княгини Ольги

Горбатов Валерия, Коротаяева Софья

(Работа-победитель школьной конференции «Открытие», призер МГК)

Крещение князя Владимира Святославича и принятие Русью христианства в 988 году, безусловно, является одним из важнейших событий в истории не только Древнерусского государства, но и нашего Отечества в целом. Переоценить его значение невозможно, поскольку именно этот выбор определил все ключевые особенности Российской цивилизации: политическое развитие и предпочтения, культуру и искусство, национальное сознание и самосознание.

Однако возникает вопрос: был ли выбор князя Владимира результатом действия «снизошедшей на него благодати», как писал первый митрополит-русин Иларион в XI в.? Или выбор вер Владимира был продиктован предшествующим развитием Древнерусского государства, в том числе, опытом предшествующих правителей...

Очевидный намек на это дает нам ПВЛ, где в легенде о выборе вер Владимиром летописец замечает холодность, с которой князь принимал послов «от немец», то есть от западного христианства. «Идите, ибо отцы наши веру вашу не приняли», - сказал Владимир Святой прелатам папы римского.

Почему только этих послов Владимир столь резко отверг? И что значит «отцы наши веру не приняли»? О ком идет речь, какие события седой старины припоминает креститель Руси?

Для поиска ответа на эти вопросы нам необходимо обратиться к внешней политике бабушки Владимира Святославича – княгини Ольги. Это представляется важным, поскольку именно Ольга первой приняла крещение в Константинополе в 957 г.

Вероятно, княгиня задолго до своего внука встала перед выбором между Востоком и Западом. Вероятно, приняла определенное решение, о котором исторические источники сообщают крайне скупо.

Целью нашего исследования является определение особенностей дипломатии княгини Ольги, ставших причиной ее выбора между Константинополем и Римом.

Задачи:

- ✓ Проанализировать древнерусские и византийские источники, сообщающие о поездке княгини Ольги в Константинополь и ее крещении.
- ✓ Выявить причины установления дипломатических отношений Руси с Германской империей.
- ✓ Установить причины провала миссии Адальберта и выбора Ольги (а позже Владимира) между Востоком и Западом.

Методы. Мы проанализировали летописный материал, сравнили сообщения летописи с европейскими источниками.

Известно, что в 957 году Ольга лично возглавила дипломатическую миссию в Константинополь с целью налаживания испорченных при Игоре отношений с империей. Известно, что, несмотря на определенные шероховатости в церемонии приема, миссия удалась: княгиню крестил сам патриарх, а крестным отцом стал император Константин Багрянородный (с чем, кстати, связана крайне любопытная легенда о красоте и мудрости Ольги).

Однако нам практически ничего не известно о просветительской деятельности Ольги по ее возвращении из Царьграда и о ее попытках крестить Русь. *Получается, что поездка и крещение – это лишь расчетливый и холодный дипломатический ход хитрой правительницы Руси?* Думается, это вовсе не так. Данные на этот счет имеются, только обнаруживаются они в немецких источниках и касаются еще одного весьма запутанного эпизода в биографии княгини Ольги — ее переговоров с германским королем (а с 962 года императором) Оттоном I Великим (973) и судеб латинской миссии на Руси. Как выясняется, летом или осенью 959 года, то есть на следующий год

после разрыва отношений с императором Константином Багрянородным, княгиня направила послов в Германию к королю Оттону, которого просила ни больше ни меньше как об учреждении епископии в своей стране.

Об этом в 60-е или 70-е годы X века, то есть по горячим следам событий, писал автор продолжения Хроники Регинона Прюмского. Этот источник представляется исключительно ценным для истории Руси времени правления княгини Ольги. И дело не только в том, что он принадлежит современнику событий. По единодушному убеждению исследователей, Продолжателем Регинона был известный деятель немецкой церкви Адальберт, архиепископ Магдебургский, — тот самый миссионер, который побывал в Киеве и лично общался с княгиней Ольгой.

Под 959 годом в его Хронике помещено следующее известие: «Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников».

И вновь источники недвусмысленно намекают на хитрости и вероломстве Ольги в дипломатическом лавировании между Византийской и Германской империями. Можем ли мы в полной мере доверять подобного рода свидетельствам? В этом вопросе необходимо разобраться внимательнее, и тогда мы сможем ответить на поставленный в исследовании проблемный вопрос.

В наших поисках следует обратиться к другому немецкому латинскому источнику - Хильдесхаймским анналам: «К королю Оттону явились послы народа Руси с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотят отказаться от языческих обычаев и принять христианскую веру...».

Создать такую организацию в рамках Константинопольского патриархата Ольге по каким-то причинам не удалось — и теперь она обратилась с теми же намерениями к правителю Запада.

Отечественные историки, начиная с С. М. Соловьева, подвергали сомнению правдивость этих сообщений западных исторических источников. Однако в приглашении миссионеров от германского императора при существовании в Киеве миссии константинопольских священников в X веке не было ничего сверхъестественного, поскольку раскол (великая схизма) в христианстве произойдет лишь в 1054 году. Пока же христианский мир един, хотя давно уже наметились принципиальные отличия в обрядах и, главное, миссионерской деятельности восточной и западной христианских традиций.

Колебания между двумя главными центрами христианства для этого времени — скорее закономерность, нежели исключение из правил. Так, крестивший свою страну болгарский царь Борис в 60-е годы IX века дважды кардинально менял церковно-политическую ориентацию, то изгоняя из страны греческих священников и признавая главенство римского престола, то вновь возвращаясь в лоно Византийской церкви и, соответственно, изгоняя из Болгарии священников-латинян. Примерно в те же годы моравский князь Ростислав обратился к константинопольскому императору с просьбой прислать к нему проповедников, хотя в Моравии уже действовали миссионеры «от немец». Примечательно, что прибывшие из Константинополя просветители славян Константин (Кирилл) и Мефодий признавали верховенство римского престола и добивались открытия Моравской епархии под юрисдикцией Рима. И киевский летописец, рассказывая о миссии святых братьев к морavam, не преминул с одобрением отметить, что «папез» римский поддержал их и осудил их противников, тех, «кто ропщет на книги славянские». Приведены в летописи и слова папы как высшего церковного авторитета, в данном случае признаваемого таковым и на Руси: «Аше кто хулит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится».

Такие же колебания между Константинополем и Римом уже в X веке мы видим и в истории христианизации Венгрии. Греческая епархия просуществовала здесь вплоть до XI столетия, хотя венгерские князья в конечном счете выбрали крещение от латинян.

Почему имели место подобные «колебания» и почему Ольга обратилась к Оттону за миссионерами?

Ответ – в особенностях миссионерской деятельности византийских священников, а точнее, в пассивности представителей империи в деле христианизации «варваров».

Высокомерное отношение к «варварам», убежденность в том, что из них все равно не получится «настоящих» христиан, пронизывали все слои византийского общества, начиная с императора. И можно думать, что отказ от учреждения русской епископии отчасти стал следствием такого именно взгляда.

Прелаты германского императора и папы римского, напротив, были энергичны и активны в деле распространения Слова Божия. Да к тому же, самолюбие правительницы Руси было явно ущемлено в ходе ее дипломатической миссии в Константинополе, и Ольга не преминула припомнить это послам от византийского императора... Словом, для утверждения величия собственного государства мудрая княгиня Ольга просто вынуждена была лавировать между двумя христианскими империями. Делала она это успешно, что является важной чертой древнерусской дипломатии исследуемого периода.

Вернемся к готовящейся миссии на Русь от Оттона I. После выдающейся победы над венграми летом 955 года Оттон I приобрел славу великого защитника христианства и безусловно первого среди монархов Запада. С этого времени его почти официально стали именовать императором, хотя до коронации в Риме оставалось еще несколько лет. «Радушно приняв» послов русской княгини, король «с великой радостью согласился на их просьбу», —

записывал позднее саксонский хронист. Вскоре был найден кандидат возглавить миссию. Им, «по совету и ходатайству» архиепископа Вильгельма Майнцского, стал тот самый Адальберт, который признается автором продолжения Хроники Регинона. Назначение на Русь было воспринято Адальбертом с явной обидой, которую он даже не пытался скрыть. «Хотя Адальберт и ждал от архиепископа лучшего и ничем никогда перед ним не провинился, — писал он о себе в третьем лице, — он должен был отправляться на чужбину». Впрочем, новопоставленный епископ получил полную поддержку со стороны короля Оттона, и это, несомненно, отчасти утешило его. Материальное обеспечение миссии также оказалось на высоте, что Адальберт не преминул отметить. «С почестями назначив его епископом народу ругов, — продолжает он, — благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался».

Текст источника позволяет нам сделать вывод об исключительной значимости миссии на Русь для Оттона I, что говорит о высокой роли Древнерусского государства на международных путях средневековой Европы.

Итак, Адальберт воспользовался хорошо известным торговым маршрутом на Русь — через Регенсбург, Прагу, Краков (также принадлежавший в то время Чехии) и «Червенские грады» (Волынь). К осени 961 года он и его спутники должны были достигнуть Киева.

Адальберт ничего не сообщает о своем пребывании в столице Руси. Из его Хроники известно лишь о результатах поездки — а они оказались плачевными. Латинская миссия на Русь завершилась крахом. Уже зимой или в начале весны следующего, 962 года ему и его спутникам пришлось спешно покинуть Киев. «Адальберт, назначенный епископом к ругам, вернулся, не сумев преуспеть ни в чем из того, чего ради он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий», — пишет он сам о себе. Больше того, «на обратном пути некоторые из его спутников были убиты, сам же он, после больших лишений, едва спасся».

И теперь мы подходим к самому главному вопросу нашей работы: *каковы причины фактического изгнания миссии Адальберта из Руси?*

Этот вопрос, несмотря на множество версий, в отечественной историографии не решен до сих пор.

Так, А. Карпов, следуя за В. Т. Пашуто, предполагает, что причины изгнания миссионеров «от немец» носили, в первую очередь, внешний характер.

При приемнике Константина Багрянородного Романа II «дружеский союз» с Русью был возобновлен. Свидетельством тому — участие в войнах, которые вела Империя при Романе II, русских «воев». Эти русские «вой», организованные в отдельные отряды («тагмы»), приняли участие в завоевании Крита. Вместе с тем, отношения империй испортились до крайности в результате спора за обладание территориями на Апеннинском полуострове. И Русь в лице Ольги должна была сделать свой решительный выбор между Западом и Востоком. Но не такова была Ольга, как можем мы понять из источников, чтобы опираться в своей дипломатии (внешней политике) на сиюминутные изменения и конфликты ближних и дальних соседей. Внешнеполитический выбор был сделан (и здесь мы не согласимся с А. Карповым), но основанием его были события внутри Руси, интересы древнерусской народности, которые последовательно отстаивала княгиня.

Как уже отмечалось, миссионеры от Священной Римской империи отличались особой активностью и рвением в деле обращения «варваров». И то, что первоначально казалось благом — распространение христианства в Киеве (возможно, и других городах Руси) — обернулось народным возмущением. Предполагать это можно со всей уверенностью, если обратиться к источникам, проливающим свет на христианизацию завоеванных немецкими феодалами славян, живших на южном берегу Балтики. Этот сюжет подробно изучен, в частности, Б. Н. Флорей. Среди славян, обращаемых миссионерами «от немец», новая религия распространялась насильственным

путем, крайне жестоко! Такое навязывание христианства могло отчасти иметь место и в Киеве эпохи Ольги.

А если мы прибавим к этому проводимую Адальбертом мысль о высшей власти папы римского, превосходящей власть княгини, вполне можно понять, почему спутники Адальберта подверглись нападению, и Ольга не обеспечила безопасности для данной миссии.

Таким образом, лейтмотивом дипломатии княгини Ольги (дипломатии в специфическом средневековом понимании) было стремление установить влияние Руси на международной арене. С этой целью она приглашала миссионеров от двух империй, для этого сама совершила рискованное путешествие. Однако характеризуя внешнюю политику Ольги, нельзя не вспомнить знаменитые слова, произнесенные много веков спустя английским министром иностранных дел Г. Д. Палмерстоном (XIX в.): «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы».

Данный принцип, безусловно, был характерен для внешней политики княгини. Этот принцип унаследует и великий ее внук, креститель Руси – великий князь Владимир I Святой. Не случайно, при выборе вер князь (по летописному преданию) сказал прелатам папы римского: «Идите, ибо отцы наши веру вашу не приняли».

Литература

1. Ипатьевская летопись / ПСРЛ. / А. Кошелев. - Том 2. – М., 2000.
2. Адальберт. Продолжение хроники Регинона из Прюма (электронный документ <http://www.vostlit.info/Texts/rus/contregino/frametext.htm>)
3. Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. - М., 2012 - 376 с.
4. Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. - М., 1982. - 264 с.

5. Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. - М., 2001.
6. Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян: (Эпоха Средневековья) / Л. В. Милов. - М.: Наука, 1992.

Дмитрий Донской и Евдокия: представление о подвиге в семейной жизни в истории России XIV – XVI вв.

Макаровой Елизаветы, Макаровой Елены

(Работа-призер МГК проектных и исследовательских работ)

Семья играет очень важную роль в жизни каждого человека. Именно в семье человек учится любить, уважать и заботиться друг о друге. Не случайно, в истории современной России появился особый праздник, отмечаемый с 2008 года ежегодно 8 июля – День Семьи, Любви и Верности. Праздник приурочен памяти святых князей Петра и Февронии Муромских, о которых мы узнаем из повести автора XVI в. Ермолая-Еразма. Однако возникает вопрос: только ли на легенде XIII в. основано знаменитое произведение публициста? Говоря об этом, нельзя не вспомнить семью, которая является примером для многих поколений - семью Дмитрия Ивановича, князя Московского, и Евдокии.

Однако, много ли мы знаем о семье Дмитрия Ивановича? Подвижнический подвиг князя и его супруги, безусловно и не случайно, заслонил подвиг ратный: победа на Куликовом поле, ознаменовавшая рождение русского народа.

А между тем, великий князь Дмитрий Донской вместе с благочестивой супругой, великой княгиней Евдокией стояли у истоков новой единой Московской Руси. Закладывая основы нашей государственности и укрепляя традиционные духовно-нравственные ценности нашего общества, они явили великий пример высокой духовной жизни, любви, крепкой христианской многодетной семьи, горячего патриотизма. Их постоянная забота о нуждающихся, обездоленных, погорельцах и страждущих снискала всеобщую любовь народа, который видел в великокняжеской чете своих помощников и заступников.

В этой связи, можно сформулировать гипотезу: восприятие супружеской жизни Дмитрия Ивановича и Евдокии Дмитриевны как идеала и семейного

подвига является общим местом, как для памятников древнерусской литературы, так и для отечественной литературы последующих эпох.

Цель работы – на основе изучения летописного, житийного материала, текстов «Задонщины» и «Степенной книги» и др., проследить процесс становления образов «идеальной семьи», «идеального князя» Дмитрия Ивановича Донского в истории Московской Руси XIV – XVI вв., в дальнейшей истории России.

Для приближения к поставленной цели, необходимо решить следующие **задачи**:

- ✓ Проанализировать материал источников XIV в. – начала XV в. для выявления сообщений о великокняжеской семье и характеристики самого князя Дмитрия Ивановича;
- ✓ Сравнить полученные данные с аналогичными сообщениями источников XVI в.
- ✓ На основе сравнительно-исторического анализа описать образы «доброй жены», «идеального князя», «идеальной семьи», ставшие основой учительной литературы России.

Что касается **методов исследования**, то здесь нужно выделить сравнительно-исторический, источниковедческий. Мы постарались показать «диалог источников».

Исторические источники, привлеченные к исследованию, можно разделить на несколько групп. Во-первых, это летописи (в том числе, Лаврентьевская летопись⁴⁸, Софийская Первая летопись старшего извода⁴⁹, Никоновская летопись⁵⁰, Хлебниковская летопись), дающие нам значимый материал для понимания ключевых событий XIV века, а также оценку (характеристику) князю, княгине, их детям, митрополиту всея Руси.

---

⁴⁸ Лаврентьевская летопись. // Полное собрание русских летописей. - Том первый. – М., 2000.

⁴⁹ Софийская первая летопись старшего извода. // Полное собрание русских летописей. - Том шестой. Выпуск 1. – М., 2000.

⁵⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. // Полное собрание русских летописей. - Том десятый. – М., 2000.

Во-вторых, особое значение для нашей работы имеют жития святых (в частности, Житие святителя Алексия и Житие преподобного Сергия Радонежского). К третьей группе источников можно отнести произведения, написанные в последующие эпохи, однако отражающие оценку жизни и служения Дмитрия Донского и его супруги Евдокии. Здесь можно выделить памятники XVI в. - Степенную книгу митрополита Макария, повести Ермолая-Еразма и др. Безусловно, особняком стоит Житие благоверного великого князя Димитрия Донского, составленное после официальной канонизации 1988 г. Таким образом, источники, легшие в основу позднейшего источника по интересующей нас теме, можно разделить на две группы, отличные по оценочным акцентам – произведения древнерусской литературы XIV века и XVI столетия.

Итак, начать историю великого князя Дмитрия Ивановича следует с событий, происходивших в Орде, нашедших отражение в Лаврентьевской летописи⁵¹. При хане Узбеке (1312 – 1341 гг.) Золотая Орда достигает наивысшего могущества, и в эти годы особенно тяжелым был экономическое и политическое угнетение Руси. Однако при преемниках Узбека ситуация резко меняется: начинается острая борьба за власть, давшая русским князьям определенное поле для маневра. С другой стороны, в великом княжестве Литовском и Русском к власти, напротив, приходит противник Руси – князь Ольгерд. Таков был основной круг противостоящих Москве внешних сил. После смерти отца от мора в 1359 году князем стал 9-летний Дмитрий Иванович, а опекуном и фактическим верховным правителем Московского княжества – митрополит Алексий. В том же году началась «великая замятня» в Орде. Первостепенной задачей для Алексия стало возвращение права на Великое княжение в Москву, переданное ордынцами нижегородско-суздальским князьям. В 1362 г. спор между Дмитрием Константиновичем Суздальским и московским княжичем Дмитрием Мурат решил в пользу

---

⁵¹ Лаврентьевская летопись. // Полное собрание русских летописей. - Том первый. – М., 2000. – Стб. 529-532.

Москвы⁵². Московская рать овладела Переяславлем, изгнав оттуда Дмитрия Константиновича, а затем заняла и Владимир. Однако, понимая усиление Москвы и пользуясь старой традицией ордынских ханов, Мурат вновь передал ярлык суздальскому князю. С другой стороны, у Дмитрия Константиновича назрел конфликт с братом – нижегородским князем Борисом. Решен данный конфликт был митрополитом, и Алексей вновь проявил себя как опытный и бескомпромиссный политик: в ответ на отказ Бориса явиться на переговоры митрополит повелел закрыть церкви в Нижнем Новгороде. А с Дмитрием Константиновичем удалось пойти на компромисс. Он отказался от ярлыка в обмен на помощь против Бориса Константиновича. Помощь была оказана, суздальский князь сел в Нижнем Новгороде, а побежденный Борис оказался в Городце. Так митрополит развязал один из самых сложных узлов противоречий в Руси. Однако важно увидеть в этом конфликте и образ юного князя. Летописание XIV – начала XV в. рисует Дмитрия Ивановича как удачливого полководца и, несмотря на юный возраст, бескомпромиссного политика: «Ходиша князья московские Дмитрий Иванович... на Галицкого князя Дмитрия, и прогнаша и, а княгиню полониша. Тое же зимы князь Дмитрий Иванович сгони с Переяславля Дмитрия, князя Суздельского»⁵³. Ни намек на «благосердность» и «благочестивость» мы не получаем, обращаясь к ранним сообщениям. Не получаем мы и данных о свадьбе князя, обращаясь к Лаврентьевской или Хлебниковской летописям. О Евдокии упоминается только под 1407 годом: «Преставися благоверная великая княгиня Дмитриева Евдокия, наречена в мнишском чине Ефросинья»⁵⁴. Уже ранние источники повествуют о монашестве Евдокии, но роль княгини никак не прописана. Не увидим мы и подвиг князя в семейной жизни: лишь ратному подвигу летописцы XIV – XV вв. уделят значительное место. А вот роль митрополита Алексея проступает более чем явственно. И уже из летописей

---

⁵² Там же. Стб. 532.

⁵³ Там же. Стб. 532.

⁵⁴ Там же. Стб. 538.

ясно, что Алексей понимал: для закрепления этой победы Москвы недостаточно простого обещания суздальско-нижегородского князя не притязать больше на великое княжение. Для укрепления власти юного Дмитрия Ивановича и, как следствие, **укрепления государства** необходимо скрепить союз родственными узами. Именно поэтому в 1366 г. шестнадцатилетнего князя женили на дочери бывшего врага и соперника – Евдокии Дмитриеве. В Софийской первой летописи и источниках второй половины XVI в. (Степенная книга) кратко описана свадьба великого князя⁵⁵. В Софийской летописи отдельной вставкой читается «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»⁵⁶.

Брак по расчету оказался невероятно счастливым и в житейском плане. Почему? Ответ на этот вопрос является одним из ключей к разрешению поставленной нами проблемы.

Этот брак был заключён 18 января 1366 года по благословению святителя Алексия, митрополита Московского. Свадьба князя происходила в Коломне. Этим браком обозначалась решимость Москвы отстаивать за собой рязанского в прошлом города, захват которого Даниилом Рязань в прошлом не признавала. К тому же, Москва только что пережила страшный пожар и была покрыта строительными лесами. Именно на этой строительной волне будет принято решение строить каменный Кремль.

Дмитрию было шестнадцать, а Евдокии - тринадцать. Венчать молодых приехал митрополит Алексей. Этот брак имел большое значение для судьбы Московского государства, т.к. скреплял союз Московского, и Суздальского княжеств. Была в этом браке и другая цель: митрополит Московский Алексей, выбравший князю жену, разглядел в этой юной отроковице удивительные христианские черты - преданность, силу воли, чувство долга, жертвенность, послушание, преданность воле Божией.

---

⁵⁵ Софийская первая летопись старшего извода. // Полное собрание русских летописей. - Том шестой. Выпуск 1. - М., 2000. - Стб. 493.

⁵⁶ Там же. Стб., 493 - 495.

Брак Дмитрия и Евдокии - это образец супружеских отношений, образец православной семьи. Однако эта мысль появляется лишь в источниках XVI века. Именно в этом столетии в кругу публицистов эпохи Ивана Грозного сложились «образ доброй жены» (в предшествующей древнерусской литературе обнаруживается только образ «злой жены») и «образ идеальной семьи». В исторических источниках XVI вв., в отличие от рассматривавшихся выше письменных материалов и, кстати, «Задонщины»⁵⁷, подчеркивается духовная сторона жизни княжеской семьи, так как именно она является основой сложения семьи как малой церкви. «Князь как глава семьи показывал образец духовной жизни, и за ним шла Евдокия, заряжаясь его святостью, его высоким строем мысли. Их семья строилась на основе постоянной, внутренней, искренней молитвы»⁵⁸. Трудлюбивое и терпеливое строительство семьи как основы государства, формирование и укрепление традиционных духовно-нравственных ценности нашего общества стало примером для будущих поколений. И всякий раз, когда русский мир нуждался в консолидации, укреплении, когда необходимо было осмыслить пройденный исторический период, отечественные государственные и общественные деятели обращались к рассматриваемому нами образцу.

Важным источником для изучения **влияния образа семьи** Дмитрия Ивановича и Евдокии Дмитриевны на отечественную учительную литературу и общественную мысль, в целом, является Степенная книга, созданная в XVI в. при Иване IV митрополитом Макарием. «Степенная книга» была попыткой систематического изложения русской истории.

---

⁵⁷ В «Задонщине», как светским произведением, образ Дмитрия Донского – это образ воина, идущего, как встарь, в первом ряду своих дружинников. См. Библиотека литературы Древней Руси / Д. С. Лихачев. – Т. 4. – М., 1998.

⁵⁸ «Полная классическая версия жития в изложении святого Филарета, архиепископа Черниговского» - изложение летописной вставки XVI в. священнослужителем XIX в.

В Степенной книге (12 степень) говорится, что «великий сей князь помысли законному браку сему приобщитися... и по благословению чудотвориева Христова архиерея Алексия приведоша ему невесту от Суздальской земли»⁵⁹.

Рассматриваемый источник представляется исключительно важным, поскольку именно в нем мы находим идеальные образы князя и княгини⁶⁰.

Характеризуя облик правителя, составитель Степенной книге в первую очередь концентрировал внимание читателя на его нравственных чертах. Повествуя о конкретных политических шагах русских князей, книжник немногословно сообщал о соблюдении ими «правды», «милости» и справедливого суда по отношению к подданным. И как это созвучно образу князя, созданному еще Владимиром Мономахом в его «Поучении детям» XII в.! Автор СК также отмечал победоносные войны князя, одержанные исключительно благодаря Божьей помощи. И сколь это не соответствует (!) образу из «Задонщины»: «И рече им князь великий: «Братья и князи русские, гнездо великого князя Владимира киевского. Ни в обиди есмя били по рождению ни соколу, ни кречету... ни поганому Мамаю»... «Испием, брате, шеломом своим воды быстрого Дону»»⁶¹. От молодецкой удали светского произведения конца XIV в. в СК останется лишь подчеркнутая прямая отсылка к основателю рода христианских князей – Владимиру Святославичу. Особое внимание уделено подчеркиванию верности князя православию. Согласно представленному в памятнике взгляду, именно преданность православию потомков Владимира и обуславливает поступательное движение руководимой ими страны к Спасению. Пронизывающее весь текст памятника представление о подготовке страны к Спасению как главной обязанности христианского государя роднит Степенную книгу с сочинениями других русских писателей XVI в. (Иосифа Волоцкого, Филофея, Максима Грека, Сильвестра, А. М. Курбского и др.) . При этом православие и принадлежность к роду потомков

---

⁵⁹ Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. - СПб., 1913. – С. 395.

⁶⁰ Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. – М.-СПб., 2009.

⁶¹ Библиотека литературы Древней Руси / Д. С. Лихачев. – Т. 4. – М., 1998. – С.174.

Владимира не гарантировали соответствие правителя идеалу – этого можно было добиться только в случае следования государем определенному кодексу поведения, представленному в Степенной книге и прочих произведениях, близких к ней по времени создания (в сочинениях Максима Грека, Сильвестра, митрополита Макария, Ермолая-Еразма, Федора Карпова и др.).

Следовало и детей воспитывать в молитве, благочестии под руководством святых людей. Во времена Дмитрия на Руси расцветает подвижничество. И святые на всем протяжении жизни княжеской семьи ее сопровождали. Все члены княжеской семьи старались быть похожими на этих подвижников.

Итак, в «Степенной книге» древнерусский книжник рисует перед нами удивительный союз, во многом определивший ход исторических событий на Руси, и нравственный, и духовный характер складывающегося государства.

Основные сведения летописных повествований, а также устные предания о жизни и чудесах благоверной княгини Евдокии-Евфросьнии вошли в состав Степенной книги в виде повести, получившей название «Вмале сказание о блаженной великой княгини Евдокии во инокинях Евфросинии, супружницы достохвальнаго великаго князя Дмитрия Ивановича Донскаго». Этот источник являлся основным и для Четких Миней Митрополита Макария и для житийных рассказов, составленных в XIX в., и для Жития Благоверной Великой княгини Московской Евдокии (во иночестве Евфросинии), составленного в XX в.

Широко известно, что большинство древнерусских житий содержат одинаковые повторяющиеся элементы: рассказы о детстве святых и благочестии их родителей, упоминание о добродетельной юности, подвигах, праведной кончине и посмертных чудесах. При этом употребляются одинаковые библейские цитаты, используются общие сравнения или противопоставления, эпитеты и метафоры. Все это говорит не о скудости мысли древних авторов, но об их желании соответствовать идеальной форме изложения.

Согласно источнику, став супругой правителя Русской земли, Евдокия не утратила свойственных ей с детских лет скромности и доброты. Создавая идеальный образ «доброй жены», Макарий также упоминает святых равноапостольных князей Владимира и Ольгу, о них говорится как о «российской земли благочестия основании и православной веры утверждении»⁶². «Добрая жена» - всегда рачительная хозяйка, поэтому когда князь Дмитрий возводил белокаменные стены Кремля, княгиня вела хозяйство в княжеском тереме, деля с супругом все тяготы, которые обрушивались на святую Русь. Во время эпидемии язвы в Москве она нередко хоронила умерших на свои деньги, понимая опасность распространения язвы. И народ, воодушевленный молитвенным подвигом и мужеством княгини, также не поддавался унынию. Вскоре язва оставила пределы Руси.

Но на этом беды не закончились.... Во время страшного пожара в Москве Евдокия явила себя матерью и покровительницей пострадавших. Выделяя деньги из казны она находила время и силы, чтобы ободрить, утешить, помочь. В эти тяжкие дни народ потянулся к ней, как к милостивой и заботливой своей покровительнице.

Княгиня несла вместе с супругом тяжкий крест управления страной. Евдокия никогда не забывала о долге мужа перед Отечеством и не «билась в рыданиях» на его груди перед военными походами. Когда русское войско отправилось на поле Куликово, Дмитрий Иванович сказал, утешая свою супругу: «Жено, если Бог за нас, то кто против нас?» - сообщает нам Софийская Первая летопись.

После победы на Куликовом поле, желая увековечить память об этом дне и прославить Бога, спасшего супруга от гибели, Евдокия велела построить церковь Рождества Пресвятой Богородицы на княжеском дворе и несколько храмов и монастырей в Переславле-Залесском.

---

⁶² Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. - СПб., 1913. – С. 410.

После смерти супруга в 1389 г., Евдокия каждый день молилась в храме, поминая покойного мужа и делая вклады в монастыри, одаривала бедных деньгами и одежной.

Что касается государственного служения, то следует подчеркнуть, что Евдокия Дмитриевна фактически стояла во главе Московского княжества, являясь блюстительницей престолонаследия среди сыновей. Была одной из самых образованных женщин своей эпохи. В СК и позднейших житиях обнаруживается, в частности, рассказ о том, как Евдокия, повелев перенести чудотворную икону Владимирской Божией Матери, защитила Русскую землю от нашествия Тамерлана.

После восшествия на престол сына, Василия, великая княгиня устранилась от участия в государственных делах. Оставшись вдовой, она стала жить строго по-монашески, подвижнически. И все-таки людская злоба и клевета не обошли ее. По Москве стали ходить нелепые слухи, затрагивающие честь Евдокии. Слухи дошли до ее сыновей. Один из них спросил у матери о наветах, порочивших ее. Тогда княгиня собрала их всех и сняла с себя часть великокняжеских одежд. Дети увидели, что княгиня исхудала от поста и подвигов, тело ее высохло и почернело. Тогда они просили у нее прощения и хотели отомстить за клевету. Но мать запретила им, проявляя и здесь удивительную доброту и истинно христианское служение.

В 1407 году, после видения Архангела Михаила, предвозвестившего ей скорую кончину, Евдокия решила принять монашество. Постриг совершился 17 мая 1407 года в деревянной церкви Вознесения. Великая княгиня получила в постриге имя Евфросиния. По сказанию, в день пострига Евдокии исцелилось от различных болезней более 30 человек.

Умерла монахиня Евфросиния 7 июня 1407 года. И до наших дней дошли сказания, из которых известно, что у ее гроба сами собой зажигались свечи и исцелялись больные.

Бросающейся в глаза стилистической особенностью «Вмале сказания», с опорой на которое мы говорим о вкладе княгини в развитие Московской Руси и, с другой стороны, о влиянии ее подвига на учительную литературу последующих эпох, можно считать группу повторов в формуле представления героя. Использование этого приема, как средства создания орнаментальности в древнерусской прозе, направлено в первую очередь на указание главных смысловых элементов отрывка или повествования в целом. Этот прием будет утрачен уже в изложениях жития в XIX в., не будет его и в Житии XX столетия.

Таким образом, говоря о Евдокии-Евфросиньи, мы также обнаруживаем становление и развитие образа княгини: от простого упоминания ее смерти после монашеского пострига в исторических источниках XIV в. до развернутого жизнеописания идеальной «доброй жены» в СК XVI в. и почти кинематографичного Жития, составленного в XX веке.

Семейные правила, сформировавшиеся в целом к XIV столетию нашли свое отражение в «Домострое»⁶³ - произведении XVI в., созданном духовником Ивана Грозного протопопом Сильвестром.

Княжеская семейная жизнь велась под руководством опытных духовников т.к. князья женились в очень раннем возрасте их семьям требовалось особое внимание со стороны церкви. Чаще всего высшие слои общества женились ради интересов княжества и любовь, согласие между супругами приходили уже после нескольких лет совместной жизни. Жена и дети должны во всем повиноваться мужу и отцу. А если дети не слушались, то главе семьи разрешалось применять к ним телесные наказания. Можно было «поучать» плетью, но «наедине» и «разумно». После наказания полагалось сказать ласковое слово и что-нибудь подарить. Заповедь «Почитай отца своего и мать свою» стала основой воспитания на Руси. Княжеских детей приучали к исполнению государственных дел, заботе о своих подданных, защите их.

---

⁶³ Домострой. / Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова
<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5145>

Большое внимание уделялось и повседневным хозяйственным заботам. Хорошая хозяйка не только должна была следить за исполнением своих указаний, но и сама уметь печь, стирать, убирать, мыть посуду и рукодельничать⁶⁴. Она должна была постоянно быть за работой и избегать праздности. И эти правила, словно под копирку сняты с характеристики Евдокии из «Вмале сказания». Вновь мы встречаем «диалог источников» и авторов с целью, поучая современников, обратиться к поколениям будущим, передать им идеалы эпохи.

О роли святителя Алексея и преп. Сергия в жизни и в делах великого князя Дмитрия немало говорит отечественная историография. Но был ещё и целый сонм святых, учеников преп. Сергия, которые являлись духовными авторитетами не только для великокняжеской четы, но и для их детей.

Преподобный Савва Сторожевский первый игумен Богородидско-Рождественского Савво-Сторожевского монастыря благословил брак князя Юрия Дмитриевича с дочерью последнего князя Смоленского - Анастасией.

Большое влияние на Юрия оказал преподобный Дмитрий Прилуцкий произвел сильное впечатление на Дмитрия Донского который проникся к нему глубоким уважением и доверием. Почитая переславского подвижника также, как и преподобного Сергия, он просил его быть приемником своих детей.

Игумен Феодор Симоновский, племянник преподобного Сергия, крестил Андрея Дмитриевича, был духовником князя Дмитрия Донского и его семьи. Дмитрий часто давал ему важные поручения

Преподобный Кирилл Белозерский играл значимую роль в семье Дмитрия Донского после его смерти. Был духовником Василия Дмитриевича, окормлял также Андрея и Юрия Дмитриевичей, руководил духовной жизнью семьи. Сохранилось два послания к сыновьям Дмитрия и Евдокии, в которых он призывает их к высокой духовной жизни, ответственности за вверенных им подданных, к милосердию и любви. Дмитрий и Евдокия сделали всё, чтобы

---

⁶⁴ Там же. Пункты 14 – 18.

их дети переняли у святых людей те качества, которые помогут им в дальнейшей жизни.

Из всех двенадцати детей Дмитрия и Евдокии двое умерли в младенчестве, а сын Иван в подростковом возрасте. Пять сыновей выросли крепкими, энергичными молодыми людьми наделенными немалым честолюбием. Большого труда стоило матери сохранять мир в семье и несмотря ни на что она сумела выполнить предсмертную волю мужа. Ни до её кончины в 1407 году, ни после этого сыновья не нарушали воли отца, никогда не поднимали меча друг на друга. Конечно, нельзя не упомянуть о том жестоком противостоянии, которое развернулось между Юрием Звенигородским (позже его сыновьями) и его племянником Василием II после смерти Василия I и вошло в историю как Большая феодальная война... Но это не отменяет факта, упомянутого выше.

Старший из братьев Василий подобно своему отцу очень рано стал самостоятельным. В апреле 1383 года в возрасте 12 лет он был взят заложником в Орду. После смерти отца Василий Дмитриевич стал полновластным хозяином Московской Руси. При жизни старшего брата Юрий сохранял спокойствие и терпеливо ждал своего часа, поскольку по духовной Дмитрия Ивановича именно он должен был наследовать Москву после смерти брата. Общался с великими подвижниками, которые не могли не оказать влияние на юношу. Но благочестие Юрия сочеталось с большим честолюбием. Остальные три брата сочувственно относились к притязаниям Юрия. Все они имели небольшие уделы и решили не вмешиваться в дела старших братьев. Дочери великого князя Дмитрия призваны были служить интересам княжества. 1387 году ради союза с враждебным Олегом Рязанским Дмитрий решил отдать свою дочь Софию в жены его сыну-княжичу Фёдору. Княжна Мария 1494 году стала супругой сына литовского князя Ольгерда. 1497 году овдовевший племянник Михаила Тверского перешел на службу к

Дмитрию и получил руку его дочери Анастасии. Дочь Анна вышла замуж за князя Юрия Патрикеевича - московского боярина.

Судьба почти всех удельных князей московского дома XV-XVI вв. складывались трагично.

Однако важно подчеркнуть, что именно благодаря особому семейному укладу, созданному и усилиями Евдокии, сыновья Дмитрия Донского были редким поколением князей, которое умело решать свои споры мирным путем, что, безусловно, способствовало укреплению государства, расцвету русской культуры, становлению особого народного менталитета.

Итак, вклад Дмитрия Ивановича Донского и Евдокии Дмитриевны в государственное строительство России трудно переоценить. Идеальные образы благоверной четы, тем не менее, складывался постепенно. Для Дмитрия Ивановича – от бескомпромиссного князя-воина XIV в. до идеала «добротного князя» XVI в.; для Евдокии – от упоминания монахини Евфросинии до развернутого образа «добротной жены» в соответствующие исторические периоды. Анализ исторических источников XIV – XVI вв. показал, что одной из причин успехов великого князя было единомыслие с женой, оказывавшей на различных уровнях (житейском, духовном, государственном) действительную помощь своему супругу. Вот почему и в XVI в. в условиях укрепления государства появляются в учительной литературе образы идеального князя и княгини, и в XIX в. в исторической литературе разворачивается тщательный анализ домашней жизни княжеской семьи, и в XX веке (1988 г.) происходит именно парная канонизация Дмитрия Донского и Евдокии-Евфросинии. А в 2007 году, когда отмечалось 600-летие её преставления, была учреждена новая награда Русской православной церкви — орден преподобной Евфросинии, великой княгини Московской.

Источники

1. Лаврентьевская летопись. // Полное собрание русских летописей. - Том первый. – М., 2000.

2. Софийская первая летопись старшего извода. // Полное собрание русских летописей. - Том шестой. Выпуск 1. – М., 2000.
3. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. // Полное собрание русских летописей. - Том десятый. – М., 2000.
4. Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. - СПб., 1913.
5. Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. - Л., 1979.
6. Библиотека литературы Древней Руси / Д. С. Лихачев. – Т. 1-10. – М., 1998.

Литература

1. Викторов А. Е. Великая княгиня Евдокия, во иночестве преподобная Евфросиния, основательница Вознесенского девичьего монастыря в Московском Кремле. — М.: Унив. тип., 1857.
2. Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Правители России от Юрия Долгорукого до наших дней. — М.: Сполохи, 1997.
3. Ранчин А. М. О «неявной» символике в древнерусской агиографии // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3-5 октября 2001 г.). - М., 2002. - С. 67-71.
4. Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. — М., 1986.
5. Усачев А. С. «В мале сказание» о Евдокии-Евфросинии в Книге Степенной царского родословия // Духовный путь Московской Руси: материалы научной конференции, посвященной 600-летию со дня блаженной кончины преподобной Евдокии-Евфросинии, великой княгини московской. — М., 2007. — С. 69—78.
6. Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. – М.-СПб., 2009.

Якопо Понтормо: загадка одной картины

Подколзина Анна

(Статья подготовлена к печати в сборнике Россия и мир в прошлом и настоящем-2019)

Когда мы делаем запрос в Интернете в поисках картин одного из известных художников Флоренции XVI века – Якопо Понтормо, одной из первых выпадает иллюстрация картины «Святой Кающийся Иероним». Однако при попытке найти ее описание, мы сталкиваемся с полным отсутствием какой-

либо информации о ней. Почему же об этой картине молчат исследователи искусства? В этом и состоит загадка картины.

Несмотря на тот факт, что с XVI века по наши дни было достаточное количество выдающихся историков и искусствоведов, никто из них особо не заострял внимание на картине Якопо Понтормо «Святой Кающийся Иероним», хотя эту работу можно по праву назвать манифестом маньеризма.

Можно предположить, что так произошло, из-за того, что данная картина является ранней картиной Понтормо, которая оказалась «неудобной» для знатной семьи Медичи, и поэтому была на долгое время «заброшена» и открыта лишь в XIX веке.

На основании анализа картины «Кающийся Иероним» мы попытались доказать авторство Понтормо, установить приблизительную датировку написания этой работы, и понять, как Якопо Понтормо повлиял на художников XX века.

«Системы мира – слепки древних душ»... Эти слова Максимилиана Волошина, поэта Серебряного века, наверное, лучше многих искусствоведческих томов отражают закономерности развития художественной культуры. Если техника и технологии развиваются шаг за шагом, от простого – к сложному, то искусство первоначально имеет совершенно иные, зачастую, противоположные векторы эволюции. Не случайно, П. Волкова писала «если когда-либо что-либо свершилось в культуре, искусстве, то уже никуда не канет, не исчезнет. Можете не сомневаться: явится и воскреснет ровно в свой день и час». Лучшие произведения «требуют от нас усилий по восстановлению историко-генетической памяти».

Действительно, как важно понять, каковы истоки творчества Франсиско Гойи и Пабло Пикассо, Эль Греко и Казимира Малевича.

Творчество каких художников являет собой мост через бездну времени и пространства, соединяющий таких, казалось бы, разных художников?

Осмелимся предположить, что, наряду с признанными титанами Возрождения, особое влияние на художников XVI – XX вв. оказали живописцы-маньеристы, о которых нашим современникам известно совсем немного.

В галерее маньеристов главное место традиционно отводится флорентийцу Якопо Каруччи, прозванному Понтормо, поскольку именно этот художник открывает маньеризм как новое направление в искусстве.

Переходя к анализу научной литературы, отметим определенные сложности работы с отечественной и зарубежной историографией. Сильной стороной советского искусствоведения и истории искусства являются концептуальность (ясное изложение причинно-следственных связей, закономерностей), доступность изложения. Но при этом мы ни в одном исследовании не найдем исчерпывающий список произведений Понтормо. Таковы, например, ставшие классическими работы В. Д. Дажиной¹, в которых не просто дан анализ полотен и фресок молодого Понтормо, но и убедительно показаны влияния социокультурной среды Флоренции на становление особой манеры художников XVI столетия. И театрализованные драпировки, и ощущение невесомости в работах Якопо являют отражение карнавальной итальянской традиции. Для нас это важно, поскольку и в «Кающемся Иерониме» встречаем мы алую драпировку, ощущение фантастичности пространства.

В основательной монографии А. В. Ипполитова² на обширной источниковой базе (в том числе, посредством анализа дневника Понтормо) проведена реконструкция

биографии художника, выявлены особенности его личности. Однако даже упоминания об интересующей нас картине в труде А. В. Ипполитова нет...

Другую крайность представляют собой зарубежные (в частности, немецкие) историография и искусствоведение. Именно здесь мы встречаем внешнее описание картины «Святой кающийся Иероним», правда, усложненное до крайности искусствоведческими терминами³. Но при этом никак не

объясняются выявленные особенности стиля художника. Остается загадкой, почему молодой и успешный художник пишет слабого, откровенно некрасивого, мечущегося Иеронима. В чем причины отличий манеры Якопо Понтормо от стиля его учителя и старшего современника Леонардо да Винчи. Все изложенное подтверждает необходимость дальнейшего научного поиска, несмотря на накопленный в историографии и искусствоведении богатый материал.

Таким образом, среди живописцев Возрождения есть две ключевые фигуры XVI в., определившие на века основные (при этом противоположные) векторы развития искусства человечества. Этих художников звали Леонардо да Винчи и Якопо Каруччи да Понтормо.

Понтормо оказался в центре тревожных, сложных и, безусловно, знаковых событий для Флоренции: падение республики, утверждение в городе власти семейства Медичи. Большинство интеллектуалов, образованных людей Флоренции оказалось в оппозиции к Медичи, а Понтормо оказывается одновременно любимым художником Лоренцо Медичи и лучшим другом его врагов, среди которых Микеланджело Буонарротти, Баччо да Монтелупо и другие.

Якопо Каруччи родился в семье художника в одном из местечек Тосканской глубинки, известном, впрочем, уже Вазари как родина семьи самого Франческо Петрарки. С раннего детства будущий великий флорентийский художник был погружен в творческую, интеллектуальную среду, определившую лицо эпохи. Якопо рано лишился родителей и был отдан бабушкой моной Бриджидой в ученики флорентийским живописцам. Жизни бабушки и младшей сестры, с которыми делил кров, обучаясь, юный художник также забрала очередная эпидемия. Так Якопо, оставшись в полном одиночестве, оказался в мастерской великого Леонардо. Но учиться долго здесь Понтормо не довелось, через год с небольшим он переходит к Андреа дель Сарто. Отношения с главным учителем при этом у Понтормо

складывались сложно: Андреа ревновал успех юного ученика и фактически захлопнул перед двадцатилетним Якопо двери своей мастерской. Впрочем, к этому

времени у Понтормо появляются первые крупные заказы и могущественные покровители...

Первой серьезной и полностью самостоятельной работой художника являются картины «Св. Михаил» и «Св. Иоанн Евангелист» (1519 г.). Здесь впервые появляется элемент, который станет одной из визитных карточек Понтормо – замечательный открытый красный цвет. Этот прием будет подхвачен художниками XX столетия и проявится в «Танце» и «Музыке» Анри Матисса. На дальнейший творческий путь Якопо Понтормо особое влияние оказали работы Альбрехта Дюрера – наиболее яркого художника Северного Возрождения. И это удивительно: в то время, когда Дюрер будет искать идеал красоты в итальянском Возрождении, Понтормо станет искать идеал в дюреровских элементах средневековой готики. Почему? Этот вопрос представляется нам ключевым для понимания идейного наполнения фресок и картин Понтормо.

Понтормо сознательно отказывается от идеальных пропорций, разработанных Леонардо да Винчи. Он ломает и классические композиции, что можно увидеть в картине из «Брачного чертога Боргерини» - «Иосиф в Египте». 4

В 1527 – 1530 гг. Понтормо стал свидетелем и участником политической борьбы во Флоренции. В 1527 г. Медичи были вновь изгнаны из города. Снова была установлена республика. Однако просуществовала она недолго: в 1530 г., заручившись поддержкой папы римского и императора Священной Римской империи, Медичи отвоевали Флоренцию, и республика пала навсегда. Понтормо, судя по всему, сочувствовал республиканцам, но именно он написал самый известный портрет главы семейства Медичи – Козимо Медичи иль Веккио. Этот портрет – своего рода, политический манифест,

прославляющий великое семейство дельцов, банкиров, королей и римских пап. Это, должно быть, и сделало Понтормо придворным художником.

Здесь важно обратиться к концепции В. Д. Дажиной, писавшей, в частности: «Искусство стало документом политической истории, настолько сильным было давление идеологии на художников. Соотношение элементов эстетических и политических, сохранявшее идеальное равновесие в Ватиканских станцах Рафаэля, сейчас явно перевешивает в сторону политики и пропаганды. Портретная и историческая живопись при дворе Козимо I Медичи, так же как скульптура и архитектура были чрезвычайно политизированы. Чем тверже Козимо контролировал художественную жизнь, тем меньше шансов оставалось у работавших при дворе художников избежать давления идеологии».

Таким образом, если столетие спустя испанский художник Диего Веласкес, восхищавшийся творчеством Понтормо, будет абсолютно счастлив получить почетное звание придворного художника, то Якопо во Флоренции XVI века терзался глубокими внутренними переживаниями, ощущал утрату внутренней свободы.

Доказать эту мысль можно также, обратившись к анализу работ Понтормо. Между Дворцом Питти и Понте Веккио находится маленькая церковь Санта Феличита. В церкви находится «Снятие с креста» («Положение во гроб») работы флорентийского маньериста, которую он написал в 1527 году. Понтормо отказался от традиционных построений и заднего плана: все фигуры кажутся невесомыми, как бы парящими в воздухе. Высокое эмоциональное напряжение и драматизм, использование изысканных переливающихся красок делают «Снятие с креста» одной из величайших работ Понтормо.

Важно в этой картине еще и другое, аспект, менее бросающийся в глаза. Это образы Девы Марии и святых. Лица здесь совершенно шаблонно написаны, черты обладают крайним сходством. У зрителя это создает ощущение, что действие словно происходит во сне. Фигуры действующих лиц расположены

в несколько рядов, один поверх другого, так, что заполняют всю плоскость картины. Неустойчивая и шаткая композиция Снятия с креста, нервные, экспрессивные жесты персонажей, их отрешенные лица, наконец, колорит картины, в котором преобладают холодные, резко звучащие тона (розовый, лимонно-желтый, синий и зеленый) создают особую, пронизанную мистическим напряжением атмосферу. Вместо ясности и реалистичности Возрождения мы получаем неустойчивость, символичность, глубоко индивидуальную манеру.

Наиболее важной, на наш взгляд, и наиболее загадочной работой Понтормо остается «Кающийся Иероним». Загадка здесь состоит в атрибуции картины. Она находится сейчас в музее земли Нижняя Саксония и имеет подпись: «Понтормо. Святой Иероним. 1525-1530 гг.».

Однако ни в одном отечественном исследовании не был проведен анализ этой работы, даже не дано сколь-нибудь развернутого описания картины. Складывается впечатление, что советские и российские искусствоведы сомневались в авторстве этого шедевра. Причиной тому является отсутствие упоминаний об этой работе Якопо Каруччи в знаменитом труде «Жизнеописания» Джорджо Вазари.

Однако авторство легко доказать, просто сопоставив ряд работ Понтормо с использованием красной драпировки. Алая ткань и в «Мадонне со св. Франциском», и в «Автопортрете», и во «Встрече Марии и Елизаветы» написана абсолютно идентично, даже с повторением приемов при изображении складок, и

при этом имеет яркие отличия с изображениями аналогичных драпировок у титанов Возрождения. Еще более значимым аргументом здесь является манера изображения лиц в картинах Понтормо. Как и у Боттичелли, и у Леонардо, у Понтормо герои полотен отличаются удивительным сходством.

Более важной проблемой является, на наш взгляд, вопрос датировки этого шедевра Понтормо. Да, использование красной материи в качестве ведущего

цветового акцента и способ ее написания, действительно, позволили немецким искусствоведам датировать ее, но весьма приблизительно: 1520-30 года.

Возможный ключ к разгадке этой работы мы обнаружили в источнике личного происхождения – в дневнике Якопо.⁵ В своем дневнике Понтормо описывает лишь последние три года жизни – одинокой старости, единственным утешением которой является редкий сытный ужин... Опираясь на эту книгу мы никогда не поймем, чем жил художник в пору мятежной юности и беспокойной юности, как невозможно в осенней пожухлой листве узнать пышную зелень лета...

Однако сколь удивительны в этом дневнике напротив описаний употребленных унций хлеба и капусты рисунки, наброски художника! Среди этих рисунков мы наткнулись на фигуру, невероятно напоминающую образ «Святого Иеронима» с огромной точкой на груди, там, где художник впоследствии изобразит камень Иеронима. Напротив рисунка читаем: «3 марта 1556 г. написал голову нарисованной здесь фигуры. 4 марта написал кусочек торса до груди, ночью я так замерз и так ослаб, что не смог работать... В субботу получил 4 лиры за жилье... Ужинал с Пьеро, а воскресенье Пьеро подрался с Бронзино...»

Таким образом, можно предположить, что перед нами поздняя работа Понтормо, во многом подводящая итог сложного жизненного пути. Но все-таки, мы опровергаем эту теорию, так как в своем дневнике Понтормо сам писал, что сильно ослаб и не может работать. В эти года Каруччи был уже в глубокой старости и ему просто бы не хватило сил на создание этого шедевра. Отсюда, мы делаем вывод, что данная работа – ранний труд Якопо Каруччи, и была она написана в 1526-27 годах, когда у него был конфликт не только со своим внутренним миром, но и с правящей семьей Медичи. Которым была крайне неинтересна эта работа.

«Святой Кающийся Иероним» — картина флорентийского художника эпохи Возрождения Якопо Понтормо, написанная приблизительно в 1527/28 годах.

Понтормо работал фоновым рисунком и активно использовал штриховку. Художник акцентировал внимание, прежде всего, на облике Иеронима. Живописец показывает Святого, который подобен трупу, под которым предполагается лужа крови, представленная Понтормо в виде красной ткани. Он стоит на коленях на полу и в покаянии бьет камнем, словно своими грехами, себя в грудь.

Освещение, идущее слева, подчеркивает мощное тело Иеронима. Фигура мужчины отличается напряжением мускулов и визуально строгим взглядом, который наводят на мысль о смерти. Так как в 1526-27 годах, когда, по нашим предположениям, была создана картина, у Якопо был конфликт не только с самим собой, но и со знатной династией Медичи, в глазах Иеронима можно прочесть непонимание происходящего и некий страх от приближающегося будущего.

Взгляд из глубоких глазниц его могучего черепа направлен на деревянный крест которому он молится. Снизу крест упирается в землю, сверху он уходит в левый контур полотна. Зритель видит крест снизу, косо, а основная часть креста обращена к Иерониму, и к нему устремлен его взгляд.

За Иеронимом предполагается изображение его верного спутника – льва, из лапы которого, по легенде, Иероним вырвал шип, причинявший животному сильную боль, но непонятно, где должно располагаться его туловище. Профиль животного, слегка повернутый в сторону, соотносится с диагональной осью головы Иеронима. Зверь жалостливо смотрит на зрителя большими, искренними, человеческими глазами, - образ укрощенного льва, сопровождающего святогб. Возникает мысль о том, что Понтормо идентифицирует во льве свое желание иметь спокойную жизнь, быть таким же

укрошенный и лишь находясь позади, со стороны, с сожалением смотреть на мечущихся в ужасе грешных людей.

На заднем фоне обрисовывается массивная фигура скал. Облик Иеронима схвачен эскизно, оттенками серого. Фигура на картине выступает из общего фона подобно скале. Понтормо делает намек на образ кардинала, который как бы опирается на скалу. Интересны контуры скалы, которые сливаются с очертаниями плеч и рук. Углубления в скале гармонируют с очертаниями мускулов фигуры. Слева доминируют серые тона. Не исключено, что для серых тонов первоначально предполагалась более глубокая лессировка. Центральной части полотна посвящено изображение третьей, самой низкой скалы. Здесь Понтормо снова применяет технику перекрытия элементов. Яркая, со множеством складок ткань кардинальской мантии святого соответствует не естественным оттенкам, а искусственным закономерностям композиции Понтормо. Для стиля Понтормо характерно тщательное выписывание особенностей местности, в которую органично вписываются детально прорисованные фигуры.⁷ То же относится и к изображению Иеронима; облик отмечен напряженностью, устремленностью, пронизывающему все обличье.

Проведя тщательную исследовательскую работу по картине «Святой Кающийся Иероним», у меня получилось удостовериться в авторстве Якопо Понтормо, а также установить приблизительную датировку ее написания – 1526/27 – юные и, несомненно, сложные года Якопо Каруччи да Понтормо. Время, когда живописец имел и внутренний конфликт, и конфликт с властью. Продуктом моей исследовательской работы является статья по данной картине в «Википедии», опубликованная мной в ноябре.

Эта картина являет полную противоположность пониманию Человека в живописи Высокого Возрождения. Витрувианский Человек Леонардо стоит на прочном основании, а Человек Понтормо словно пребывает в невесомости в безвоздушном пространстве. Человек Леонардо гармонично сложен, у

Понтормо Человек несуразен, с непропорциональными туловищем, головой и конечностями. Его руки словно вовсе лишены костей, а грудь и живот обрюзгли.

Для художников Возрождения Человек – безусловно и очевидно лучшее из созданий, гордое и прекрасное. Вера в человека для них тверда и непоколебима. Удивительно, что по соседству с ними жили и творили художники, вовсе не убежденные в совершенстве Человека. Художники сомневающиеся, страдающие от разрывающих их внутренних противоречий, в картинах которых вместо реальности было впечатление, вместо натуральности – манера и гротеск, вместо ясности - намек. Первым в этом ряду, в галерее маньеристов, безусловно, был и остается Якопо Понтормо. Не случайно, именно к наследию маньеристов в условиях кризиса классической реалистической живописи обратятся художники XX века – А. Матисс, П. Пикассо и др.

Литература:

1. Волкова П. Мост над бездной. – Т. 1. – М., 2016.
2. Дажина В. Д. Влияние зрелищно-карнавальской традиции и театральной культуры на раннее творчество Понтормо // Советское искусствознание '79. Вып.1. М., 1980.
3. Дажина В. Д. Личность художника конца Возрождения: автопортрет, автобиография, дневник // Человек в культуре Возрождения / Л. М. Брагина, В. М. Володарский, О. В. Дмитриева [и др.]. — М., 2001.
4. Из истории культуры средних веков и Возрождения. / А. Я. Гуревич. - М., 1976.
5. Ипполитов А. В. Якопо да Понтормо. Художник снаружи и изнутри. – М., 2016.
6. Bastian Eclercy: Pontormos Heiliger Hieronymus als Büßer, in: Bastian Eclercy (ed.): Pontormo, Meisterwerke des Manierismus in Florenz, exh. cat Landesmuseum Hannover, Petersberg 2013, p. 18-63

7. Christian E. Loeben: August Kestners Pontormo in Rome, in: Bastian Eclercy (ed.): Pontormo, Meisterwerke des Manierismus in Florenz, exh. cat Landesmuseum Hannover, Petersberg 2013, p. 86-95

8. Städel Museum Frankfurt am Main “Maniera”, 2016

Примечания.

-
- ⁱ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Н. Ю. Шведова. – М., 1989. – С. 152.
- ⁱⁱ Там же, С. 152.
- ⁱⁱⁱ Лихачев Д. С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Библиотека литературы Древней Руси / Д. С. Лихачев. – Т. 4 – СПб., 2004. – С. 22.
- ^{iv} ПЛДР – Т. 2. - М., 1983.
- ^v Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. – С. 109.
- ^{vi} Там же, С. 111.
- ^{vii} Там же, С. 112.
- ^{viii} Там же, С. 136.
- ^{ix} Там же, С. 138.
- ^x Связь Туровского с Киево-Печерским монастырем вскрывается при рассмотрении «Повести Кирилла многогрешнаго мниха к Василию игумену Печерьскому о белоризце человеце и о мнишьстве, и о души, и о покаянии». Написано произведение в конце XII в., и, по мнению М. И. Сухомлинова, сюжет его восходит к притче о Варлааме и Иосафе (возможно, источником для Туровского служило некое иудейское произведение). «В «Повести» достаточно прозрачно прочитывается мысль о приоритете духовной жизни перед мирской, что очевидно сближает Кирилла Туровского с киево-печерскими мыслителями» - пишет Л. В. Левшун (С. 88).
- ^{xi} Мельников А. А. Кирилл, епископ Туровский. – Минск, 1997.
- ^{xii} Златоструй. Древняя Русь. - С. 192.
- ^{xiii} Там же, С. 192 – 194.
- ^{xiv} Там же, С. 194 – 197.
- ^{xv} Там же, С. 202 – 204.
- ^{xvi} Там же, С. 193.
- ^{xvii} Рогачевская Е. Б. Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования. – М., 1999. – С. 16.
- ^{xviii} Там же, С. 17.
- ^{xix} Там же, С. 83.
- ^{xx} Там же, С. 82.
- ^{xxi} Цит. по: Алпатов М. В. О мозаиках Михайловского монастыря // ТОДРЛ – Т. 24 – Л., 1969. – С.84.
- ^{xxii} Там же, С. 83 – 84.
- ^{xxiii} Левшун Л. В. Очерки истории восточнославянской средневековой книжности. – М., 2001. – С. 78.
- ^{xxiv} Еремин И. П. Лекции и статьи. – М., 1968. – С. 87.

